

ФЕОДАЛИЗМЪ.

(Продолженіе).

Образованіе бенефициальной собственности и социальное значеніе этого явленія.—Иммунитетъ, наследственность бенефиции и должностей.—Политическій строй феодализма. II. Характеристика внутренней стороны феодализма.—Сеніорія, какъ основная форма феодальнаго строя —Правовое положеніе сеніера; замки, какъ виѣшній знакъ его.—Сервы или вилланы; ихъ обязанности въ отношеніи къ сеніору и постепенное улучшеніе ихъ положенія. III. Личная и семейная жизнь феодала; способы войны и во оруженія; грубость нравовъ; возвышеніе женщины IV. Объединяющіе элементы въ феодализмъ; ленная и вассальная связь.—Обязанности вассала въ отношеніи къ сеніору: *fidutia*, *justitia* и *servitium*; постановка суда въ феодальную эпоху.

Такимъ образомъ, рядомъ съ аллодіальной формой владѣнія у франковъ очень рано возникаетъ новая форма владѣнія, *бенефициальная*, существеннымъ образомъ отличающая отъ первой. Первоначально бенефиции не были распространеной формой владѣнія, но потомъ, благодаря цѣлому ряду причинъ, они получили преобладающее значеніе и вытѣснили собой аллоды. И прежде всего меровингскіе и каролингскіе короли всю свою жизнь проводили во взаимныхъ войнахъ и междоусобіяхъ, постоянно нуждались въ частномъ войскѣ и потому вынуждены были раздавать все болѣе и болѣе бенефиций. Число бенефициантовъ при такомъ условіи должно было ежегодно возрастать, и въ то время какъ аллодіальная собственность, переходя изъ рукъ въ руки по наследству, дробилась, обращалась въ ничтожные участки, бенефициальныя владѣнія, которыя по самой своей природѣ и по лежавшимъ на нихъ личнымъ обязательствамъ, не могли быть дѣлимы и отчуждаемы, представ-

ляли большія, твердыя и неподвижныя массы. Но королевскія бенефиціи не были единственною и исключительною формою бенефициальнаго владѣнія. По примѣру короля, большія землевладѣльцы стали также выдѣлять изъ своихъ земель участки и раздавать ихъ въ видѣ бенефицій свободнымъ людямъ, добровольно къ нимъ поступавшимъ на службу. Знатные люди имѣли обыкновеніе содержать при себѣ многочисленную свиту и прислугу, исполнявшую разныя домашнія обязанности и извѣстную подъ именемъ министериаловъ. Такъ какъ служить знатному человѣку не считалось унижительнымъ, то въ число министериаловъ поступали и свободные люди, получавшіе за это вознагражденіе въ видѣ бенефиціи. Иногда знатные владѣльцы давали бенефиціи и людямъ несвободнаго состоянія, такъ какъ на первыхъ порахъ на этотъ счетъ не существовало какихъ-либо узаконеній. Бенефициантъ частнаго человѣка вступалъ къ нему въ такое же отношеніе, въ какомъ королевскій бенефициантъ находился къ королю; приносилъ своему господину или сеніору присягу въ вѣрности (*fidelitas*), обязывался защищать его, являться къ нему по первому призыву или принимать на себя разныя обязанности въ его домѣ и оставаться въ числѣ его приближенныхъ. Бенефициальная форма поземельныхъ владѣній такимъ образомъ болѣе и болѣе распространялась. Начало ей было положено сверху, отъ короля, и его ближайшихъ сотрудниковъ, но параллельно королевскимъ бенефиціямъ шло движеніе снизу, какъ бы вторившее первому и состоявшее прямо въ уничтоженіи аллодовъ. Это движеніе возникало вслѣдствіе господствовавшего въ то время *обычая коммѣндаціи или рекоммѣндаціи*.

Въ первобытномъ состояніи общества, когда не существуетъ еще твердаго порядка, который ограждалъ бы личную безопасность и неприкосновенность частнаго имущества, единственный оплотъ такой безопасности для менѣе сильныхъ заключается въ покровительствѣ и опекѣ болѣе сильныхъ. Всякій человѣкъ, неразсчитывающій на свои собственныя силы, ищетъ себѣ могущественнаго покровителя, который можетъ защитить его противъ насилія лучше и дѣятельнѣе, чѣмъ отдаленная и часто безсильная государственная власть. Въ первыя и самыя смутныя времена общегер-

манскаго періода, въ эпоху преобладанія грубой физической силы и личнаго произвола, эта защита была болѣе необходима, чѣмъ когда либо, и она обозначалась у германцевъ словомъ „mundium“. Это слово, которое сохранилось въ теперешнемъ *Vormund*—опекунъ, *Vormundschaft*—опека, буквально не м. б. переведено на новые языки, потому что изчезло самое понятіе выражаемое этимъ словомъ. Въ древнѣйшее время оно обозначало собой право и вмѣстѣ обязанность главы семейства защищать и охранять всѣхъ его членовъ, покровительствовать имъ вездѣ и въ особенности представлять ихъ предъ судомъ. Мундіумъ въ этомъ смыслѣ есть такъ сказать сумма семейнаго права. Вслѣдствіе дальнѣйшаго развитія этого понятія, глава рода и поземельный владѣлецъ имѣлъ у германцевъ мундіумъ надъ цѣлымъ родомъ и надъ всѣми людьми, находящимися у него въ услуженіи и живущими на его землѣ. Мундіумъ, какъ власть своего рода, велъ за собой необходимо нѣкоторое послушаніе, *obsequium* со стороны лицъ, состоящихъ въ опеку. Тотъ, кто имѣлъ мундіумъ, пользовался нѣкоторыми особыми правами: такъ онъ получилъ *Wehrgeld* или денежное вознагражденіе, вѣру за убійство, увѣчые и оскорбленіе лица, состоявшаго подъ его покровительствомъ; онъ получалъ извѣстную сумму, *pretium*, въ случаѣ выхода замужъ дѣвицы, находившейся подъ его опекой; онъ могъ наследовать имущество подчиненныхъ ему лицъ при отсутствіи прямыхъ наследниковъ и пользоваться этимъ имуществомъ, если наследники были малолѣтны. Съ переходомъ германцевъ на римскую почву, гдѣ уже ранѣе было создано подобное же учрежденіе въ т. н. патронатѣ, мундіумъ обращается въ коммѣндацію. Коммѣндаціей и назывался обычай отдавать добровольно себя вмѣстѣ со своимъ имуществомъ подъ покровительство какой-либо могущественной особы. *Commendare se alicui, commendare se in mundium alicuius* было техническимъ выраженіемъ для подобныхъ отношеній. Такого рода покровительство не уничтожало личной свободы человѣка, но оно не обходилось безъ нѣкотораго пожертвованія этою свободой, уменьшало ее. *Commendatus* вступалъ въ отношеніи личной зависимости отъ своего покровителя, принималъ на себя извѣстные услуги, обязанности, и долженъ былъ приносить присягу въ вѣрности. Коммѣндаціи совершались подъ раз-

личными условіями и, подобно бенефиціямъ, явились источникомъ цѣлаго ряда зависимыхъ положеній. Чѣмъ могущественнѣе была личность, тѣмъ болѣе гарантіи безопасности для слабыхъ представляло ея покровительство и тѣмъ большее число лицъ, нуждавшихся въ покровительствѣ вступало подъ ея защиту. Самою могущественною личностью въ франкскомъ государствѣ былъ король; поэтому, непосредственное покровительство короля, *mundeburgium regis* было особенно заманчиво для всякаго. Многія лица, уже сами по себѣ, безъ коммемдаціи и особыхъ обязательствъ, стояли *in mundeburgio regis*, т. е. пользовались его особымъ покровительствомъ; сюда принадлежали вдовы, сироты, малолѣтніе, иностранцы, а также многія духовныя особы. Но гораздо большее число разныхъ лицъ отдавало себя подъ опеку и покровительство короля посредствомъ настоящей коммемдаціи. Къ коммемдаціи королю прибѣгали не только слабые люди, но и знатные владѣльцы, *romani possessores*. Считались особенной честью стоять въ близости, непосредственномъ отношеніи къ королю, быть въ числѣ его приближенныхъ, приносить присягу вѣрности въ собственныя его руки. Такіе люди, стоявшіе въ болѣе тѣсной связи съ королемъ, назывались его *fideles*, *antrustiones*. Въ каролингскую эпоху такое отношеніе личной зависимости принимаетъ названіе *vassaticum*. *Vassaticum* значитъ тоже, что и *commendatio*; вмѣсто *antrustiones* возникаетъ терминъ *vassi*, *vassali*. Вассалами короля называются всѣ тѣ лица, которыя приносили присягу на вѣрность въ собственныя руки короля и вслѣдствіе этого находились подъ его особымъ покровительствомъ. Многіе вассалы оставались при особѣ короля, другіе жили на своихъ земляхъ и только обязывались въ извѣстныхъ случаяхъ слѣдовать его призыву. На первыхъ порахъ вассатикумъ и коммемдаціи были чисто личными отношеніями; вассалитетъ не соединялся необходимо съ бенефиціей; правда всякая бенефиція влекла за собой вассальное отношеніе, но не всякая коммемдація соединялась съ имущественной зависимостью. Въ дальнѣйшемъ же развитіи коммемдація распространилась и на землю, и вассальное отношеніе не отдѣлялось отъ имущественнаго. Съ одной стороны, свободный аллодіальный владѣлецъ, вступая подъ покровительство короля, вмѣстѣ съ личностью своею

отдавалъ подъ его защиту и свою аллодіальную собственность, вслѣдствіе чего его аллодіальная земля принимала характеръ зависимой условной собственности. Съ другой, и самъ король поручалъ преимущественно своимъ вассаламъ разныя должности, за которыя и вознаграждалъ ихъ бенефиціей, такъ что съ теченіемъ времени вассальность необходимо стала предполагать собою и бенефициальную зависимость.

Но вассалы и коммендаты были не только у короля. Въ свою очередь важнѣйшіе королевскіе вассалы, такъ называемые *maiores homines*, могли имѣть своихъ меньшихъ вассаловъ, *minores homines*. Хаотическое состояніе общества, постоянныя усобицы, грабежи и нападенія внѣшнихъ враговъ, безсиліе наслѣдниковъ Карла Великаго — все это способствовало распространенію обычая комментаціи и развитію не только королевскихъ, но и частныхъ вассальныхъ отношеній. Комментація была въ интересахъ самихъ королей, видѣвшихъ въ ней нѣкоторое ручательство за внутреннюю безопасность и общественный порядокъ. Капитуляріи Каролинговъ прямо предписываютъ всякому свободному человѣку средняго состоянія искать себѣ патрона, рекомендовать себя сеніору и не покидать его безъ уважительной причины. Сначала, вассальный союзъ могъ быть во всякое время разорванъ вассаломъ, такъ какъ это былъ союзъ добровольный. Покидая своего сеніора, вассалъ только обязанъ былъ возвратитъ ему все, отъ него полученное, но потомъ, вслѣдствіе королевскихъ постановленій и установившагося обычая связь между вассаломъ и сеніоромъ сдѣлалась твердой и постоянной. Даже въ случаѣ смерти сеніора вассалы рекомендовали себя его сыну, подобно тому, какъ и дѣти вассала занимали отцовское положеніе. Необходимымъ послѣдствіемъ сильнаго распространенія обычая комментаціи и развитія вассальныхъ отношеній было постепенное уменьшеніе числа свободныхъ людей, т. е. людей, пользующихся полной самостоятельностью и не находившихся ни въ какой личной зависимости. Посреди окружавшихъ ихъ бенефициальныхъ земель, мелкіе аллодіальные владѣльцы стояли въ совершенно изолированномъ положеніи; имъ чрезвычайно трудно и почти невозможно было сохранить свою независимость. Отсюда-то и возникло явленіе, которое привело къ

окончательному господству бенефициальной формы владѣнія; именно: добровольное обращеніе аллодовъ въ бенефицію. Владѣлецъ аллодіального участка являлся предъ сеніоромъ, совершалъ коммendaцію личную и имущественную, то есть, отдавалъ сеніору себя и свою землю, приносилъ ему вассальную присягу и вслѣдъ за тѣмъ получалъ отъ него назадъ ту же землю, но уже въ видѣ бенефиціи. Онъ добровольно отказывался отъ своей независимости, сопряженной съ постоянными опасностями для того, чтобы снискать себѣ могущественнаго покровителя и защитника. Онъ получалъ назадъ свою землю съ меньшими правами и вассальными повинностями, но за то могъ владѣть ею въ покоѣ и безопасности. Такъ возникли *beneficia oblata*, т. е. бенефиціи поднесенныя въ отличіе отъ *beneficia data* т. е. бенефиціи жалованной. Развитію подобнаго рода отношеній особенно много содѣйствовала церковь. Благодаря щедрости королей и частныхъ лицъ, церковь соединила въ своихъ рукахъ огромныя земельныя имущества, которыя имѣли характеръ аллодіальной собственности. Распоряжаясь значительнымъ количествомъ пустопорожнихъ земель и нуждаясь во многихъ рукахъ для ихъ обработки, церкви и монастыри стали отдавать участки этихъ земель въ пользованіе свободнымъ и несвободнымъ людямъ подъ различными формами. Самая обычная форма называлась *precarium*, т. е. срочное или пожизненное пользованіе, соединяющееся съ опредѣленнымъ оброкомъ, который платился деньгами или натурой. Часто церкви давали такіе участки и безвозмездно, въ вознагражденіе за извѣстныя заслуги, т. е. въ качествѣ бенефицій. Прекаріи и церковныя бенефиціи получили скоро весьма широкое развитіе отчасти вслѣдствіе набожности, отчасти вслѣдствіе привиллегій, которыми надѣлена была церковь. Часто набожные люди изъ религіознаго чувства отдавали церкви свои земли, выговаривая себѣ право пожизненнаго или наслѣдственнаго пользованія, а еще чаще мелкіе свободные владѣльцы коммендировали себя церквамъ и монастырямъ, чтобы стать участниками въ ихъ привиллегіяхъ. Такъ значительное число церквей было освобождено отъ обязанности военной службы, ложившейся тогда тяжелымъ бременемъ на мелкихъ владѣльцевъ; чтобы избавиться отъ нея, мелкіе владѣльцы охотно отказывались отъ своей не-

зависимости, отдавали церквамъ свои земли и поступали въ число церковныхъ людей.—Наконецъ, если ко всему сказанному добавить насильственные захваты аллодовъ со стороны знатныхъ людей,—захваты, противъ которыхъ направлень цѣлый рядъ капитулярій, то легко можно понять, почему къ концу эпохи мелкіе владѣльцы совершенно исчезаютъ: вассальныя отношенія охватываютъ все общество, и состояніе личной свободы и самостоятельности переходитъ въ цѣлый рядъ высшихъ и низшихъ зависимыхъ состояній. вмѣстѣ съ исчезновеніемъ свободныхъ людей исчезаетъ и свободная земельная собственность и вся масса земли получаетъ бенефициальный характеръ. Побѣда бенефициальной формы владѣнія надъ аллодіальной, осуществившаяся на западѣ къ началу XI-го вѣка, повлекла за собой глубокой переводъ въ общественномъ и государственномъ строѣ западно-европейскихъ народовъ. Она сосредоточила земельную собственность въ рукахъ немногочисленнаго аристократическаго класса общества, создала крупныя хозяйственныя помѣстья и содѣйствовала развитію цѣлаго ряда разнородныхъ личныхъ и имущественныхъ зависимыхъ положеній, охватившихъ собою все общество сверху до низу. Бенефиція, по самому своему понятію, была не полнымъ, а условнымъ земельнымъ владѣніемъ: она поставляла бенефицианта въ особенную, личную зависимость отъ того лица, которымъ давалась, и налагала на своего владѣльца извѣстныя обязательства, исполненіемъ коихъ обусловливались его права на это владѣніе. Отсюда понятно, что по мѣрѣ того, какъ развивались бенефиціи и мелкіе земельные участки (аллоды) поглощались крупнымъ бенефициальнымъ хозяйствомъ, изъ состава западно-европейскаго общества должны были все болѣе и болѣе исчезать независимые люди, стоявшіе внѣ личныхъ, вассальныхъ отношеній. Обращая свой аллодъ въ бенефицію посредствомъ коммэндаціи или теряя его вслѣдствіе хищническаго захвата со стороны могущественнаго сосѣда, мелкіе собственники вмѣстѣ съ тѣмъ утрачивали и свою независимость: одни изъ нихъ, сохраняя свободу, вступали въ вассальную связь съ знатными господами, другіе же, владѣвшіе слишкомъ ничтожнымъ имуществомъ для того, чтобы отстоять свою свободу, обращались въ полусвободное состояніе цензуаловъ или оброчныхъ людей, платив-

шихъ сеніору различные налоги. Такимъ образомъ, возникла цѣлая іерархія людей и земель, находившихся между собой въ условной связи и зависимости. Во главѣ этой іерархіи стоялъ король; за нимъ слѣдовали могущественные королевскіе вассалы, стоявшіе въ самомъ близкомъ отношеніи къ королю, получавшіе отъ него свои земли и принесявшіе присягу въ собственныя руки короля; далѣе, въ нисходящемъ порядкѣ, стояли вассалы королевскихъ вассаловъ, земли которыхъ были выдѣлены изъ помѣстій этихъ послѣднихъ и которые называли афтервассалами т. е. задними вассалами или подвассалами; эти подвассалы могли также имѣть своихъ людей, обязанныхъ въ отношеніи къ нимъ разнаго рода повинностями и т. д. Словомъ, образовался строй общества, который можно сравнить съ пирамидальной лѣстницей: верхнюю ея точку представлялъ король, имѣвшій множество вассаловъ, но самъ не бывшій ничьимъ вассаломъ; внизу же она оканчивалась полусвободными и несвободными людьми, подчиненными сеніору, но не имѣвшими подъ собой никакихъ своихъ людей.—Такъ какъ представленный строй общества основывался на бенефиціяхъ т. е. дарственныхъ земляхъ, а слово „дарить“ на древне-нѣмецкомъ языкѣ *leihen*, то и вся система взаимныхъ и имущественныхъ отношеній, возникшая изъ бенефиціальныхъ владѣній, стала называться *ленною* системой.

Первоначально ленная или бенефиціальная система не заключала въ себѣ ничего опаснаго для королевской власти и государства. Связь, въ которую вступали свободные люди съ добровольно избранными ими сеніорами, на первыхъ порахъ ни мало не измѣняла ихъ общихъ отношеній къ королю. Поставляя себя въ вассальную зависимость отъ крупнаго землевладѣльца-аристократа, свободные люди не переставали быть подданными короля, не разрывали общей государственной связи. Всѣ частные вассалы, тѣ есть, вассалы сеніоровъ и королевскихъ вассаловъ обязаны были приносить королю присягу въ подданствѣ и могли оказывать помощь сеніору противъ всякаго его врага, но не противъ короля. Во многихъ отношеніяхъ вассалитетъ былъ даже выгоденъ для королей, ибо онъ облегчалъ имъ военную организацію и способствовалъ скорому и правильному сбору военныхъ силъ для внѣшней войны. Въмѣсто того,

чтобы отдѣльно призывать каждого свободнаго человѣка, обязаннаго военной службой, король съ развитіемъ вассальныхъ отношеній, собиралъ только сеніоровъ, а каждый сеніоръ являлся уже съ полнымъ отрядомъ войска, составленнымъ изъ его вассаловъ и другихъ лицъ, жившихъ на его землѣ. Вотъ почему короли благопріятствовали развитію бенефициальныхъ и вассальныхъ отношеній, предписывали, чтобы каждый человѣкъ избиралъ себѣ, по своему желанію, какого-либо сеніора и вообще видѣли въ сеніоратѣ средство для усиленія власти своей. Но мало-по-малу дѣла приняли совершенно иной оборотъ. Пока сохранялись свободные люди, обязанные непосредственнымъ подданствомъ королю, король имѣлъ возможность держать іерархію вассальныхъ отношеній въ должныхъ границахъ и располагалъ достаточною силою для того, чтобы принудить вассаловъ къ повиновенію. Когда же свободные люди исчезли изъ состава западно-европейскаго общества и вассальная связь охватила все франкское государство, вся сила земскаго ополченія оказалась въ рукахъ большихъ сеніоровъ; съ уменьшеніемъ независимыхъ людей король уже не имѣлъ въ своемъ распоряженіи достаточно такихъ подданныхъ, которые слѣдовали бы его прямому призыву; онъ долженъ былъ опираться на вассаловъ, такъ какъ внѣ ихъ не существовало для короля никакихъ другихъ силъ, на которыя онъ могъ бы положиться. Вассалы стали могущественнѣе короля; располагая военною силою, они отняли у короля его верховныя права, прикрѣпили ихъ къ своимъ бенефициальнымъ владѣніямъ и сдѣлались *государями въ своихъ помѣстьяхъ*. Ленная система, созданная и поддерживаемая распоряженіями королей, привела такимъ образомъ къ уничтоженію верховной власти короля и распаденію государственнаго единства на агрегатъ *мелкихъ частныхъ государствъ*, связанныхъ между собою внѣшнимъ образомъ іерархіей степеней высшей и низшей зависимости. Когда права верховной власти прикрѣплены были къ землѣ, когда каждый помѣщикъ сеніоръ сдѣлался государемъ въ своемъ помѣстьи, тогда бенефициальная система, состоявшая изъ личныхъ и имущественныхъ отношеній, преобразовалась въ *феодалную систему*, въ систему *мелкихъ отдѣльныхъ государствъ-помѣстій* и *образованіе феодализма закончилось*.

Три причины способствовали этому переходу бенефициальной системы въ феодальную: 1) иммунитетъ; 2) наследственность бенефиций и въ 3) наследственность должностей.

Иммунитетомъ (immunitas) называлось изъятіе извѣстной территоріи изъ вѣдѣнія общей администраціи. Иммунитетъ получилъ свое начало въ помѣстьяхъ, непосредственно принадлежавшихъ королю. Въ этихъ помѣстьяхъ король былъ собственникомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ верховнымъ государемъ и господиномъ всѣхъ тѣхъ людей, которые жили на его земляхъ: онъ получалъ съ нихъ подати, управлялъ ими и судилъ ихъ; такъ какъ всѣ эти права принадлежали здѣсь королю непосредственно, то ни одинъ административный чиновникъ не могъ вмѣшиваться въ дѣла, касающіяся королевскихъ имѣній и ихъ населенія, и проявлять въ нихъ свою власть. Затѣмъ, подобными же правами иммунитета пользовались всѣ церковныя земли, т. е. помѣстья, подаренныя церквамъ королями или принесенныя въ даръ простыми людьми. Въ видѣ особенной милости король предоставлялъ церквамъ право взимать разные доходы и пошлины въ свою собственную пользу и своими средствами вѣдать судъ и полицію въ предѣлахъ своихъ владѣній. Наконецъ, подобно церковнымъ землямъ, и многіе знатные владѣльцы получали изъятіе изъ общей судебной и полицейской власти и чинили самостоятельно судъ и расправу въ своихъ владѣніяхъ. Лично владѣльцы земель, пользовавшихся иммунитетомъ, наравнѣ съ прочими свободными людьми подчинены были контролю общей администраціи, но въ земляхъ своихъ они замѣняли всякую другую администрацію и производили судъ надъ жившими въ нихъ оброчными людьми и свободными поселенцами. Постановленіями каролинговъ было точно опредѣлено, что въ земли, надѣленные правомъ иммунитета, „не можетъ входить ни одинъ королевскій правитель, не можетъ ни производить суда въ немъ, ни собирать штрафовъ, ни требовать себѣ квартиры и содержанія и т. п.“, при чемъ за нарушеніе иммунитета установленъ былъ очень крупный штрафъ въ 600 солидовъ. Такимъ образомъ въ земляхъ иммунитетныхъ власть государства замѣнялась властью владѣльца-помѣщика, населеніе выдѣлялось изъ общей государственной связи и становилось въ подданство къ сеніору. Въ иммунитетъ въ первый разъ права территориальныя, зе-

мельныя были соединены съ правами государственными, верховными и помѣщикъ-сеніоръ явился въ новомъ для него видѣ маленькаго государя. Первоначально число земель и лицъ, пользовавшихся иммунитетомъ, было невелико, но съ теченіемъ времени оно постоянно увеличивалось, потому что позднѣйшіе каролинги, занятые междуусобными войнами и нуждаясь въ помощи сеніоровъ, надѣляли ихъ изъятіями съ цѣлю привлечь на свою сторону; иммунитетныя земли умножались отчасти и вслѣдствіи узурпаціи самихъ сеніоровъ, не желавшихъ подчиняться общей администраціи. Легко видѣть, что каждый новый иммунитетъ уменьшалъ собой государственную власть короля; чѣмъ больше возникало иммунитетныхъ земель, тѣмъ меньше становилась территория подвластная королю, находившаяся подъ общимъ государственнымъ контролемъ, и тѣмъ больше верховныхъ правъ переходило въ частную собственность.

Въ томъ же разлагающемъ общій государственный строй направленіи дѣйствовали и бенефиціи. Бенефиціями, какъ мы знаемъ, назывались земли, выдѣленныя королемъ изъ своихъ собственныхъ владѣній и переданныя другому лицу въ награду за какія-либо услуги. Но передавая части своихъ доменъ въ бенефициальное владѣніе, король передавалъ вмѣстѣ съ тѣмъ ни только тѣхъ людей, которые поселены были на нихъ, но и свои верховныя права: судъ и подати. Населеніе королевскихъ доменъ поступало къ бенефицианту точно въ такое-же отношеніе, въ какомъ оно стояло къ королю: бенефициантъ замѣнялъ для него короля, собиралъ подати и творилъ судъ и расправу. Въ бенефиціяхъ, поэтому, мы видимъ другой примѣръ того, когда права королевскія обращались въ частную собственность, привязывались къ землѣ и передавались вмѣстѣ съ нею въ частное владѣніе. Получившій королевскую бенефицію, получалъ и верховныя права короля надъ жителями бенефиціи и уже становился внѣ общаго государственнаго строя, то есть, приобрѣталъ иммунитетъ. Сначала бенефиціи давались только въ пожизненное владѣніе; со смертію бенефицианта они опять возвращались къ королю; вмѣстѣ съ ними возвращались къ нему и всѣ уступленныя на время права, а потому и соединеніе бенефиціи съ иммунитетомъ не представляло ничего опаснаго для королевской власти. Но въ природѣ cadaго по-

земельнаго владѣнія лежитъ естественная склонность къ наследственности; владѣльцы бенефицій очень рано обнаруживаютъ стремленіе сдѣлать ихъ изъ пожизненныхъ владѣній наследственными, обратитъ ихъ въ потомственную собственность, хотя и связанную лежащими на ней обязательствами. При томъ, и короли, нуждаясь постоянно въ военныхъ силахъ, часто сами оставляли за сыномъ отцовскую бенефицію и потомъ утверждали ее за внукомъ. Прецедентъ мало-по-малу обращался въ постоянный обычай, которому всего менѣе могли противодѣйствовать слабые потомки Карла Великаго. Вслѣдствіе этого во второй половинѣ IX-го вѣка наследственность бенефицій становится всеобщимъ закономъ. Это обстоятельство нанесло сильный ударъ и королевской власти и всему государственному строю. Пренія королевскія земли, составлявшія полную его собственность, перешли теперь въ наследственное владѣніе частныхъ лицъ, а вмѣстѣ съ ними обратились въ наследственную частную собственность и та власть, какую имѣлъ король надъ жителями своихъ доменъ. Полиція, судъ и налоги, принадлежавшія ранѣе королю, теперь не только оказались въ частныхъ рукахъ, но сдѣлались наследственнымъ правомъ королевскихъ бенефиціантовъ.

Послѣдній толчекъ къ разложенію государственнаго устройства и соединенію верховныхъ правъ съ частною собственностью данъ былъ *наследственностью государственныхъ должностей*. Извѣстно, что Карлъ великій въ видахъ упорядоченія государственнаго управленія, раздѣлилъ все государство на округа, паги (gaue) или волости, гдѣ лицо и власть кароля замѣнялись правителями, назначаемыми королемъ. Эти правители назывались comites, — графами, отчего и самые округа, находившіеся подъ управленіемъ графовъ, получили названіе комитатовъ или графствъ. Выше графствъ въ областной іерархіи стояли герцогства, но въ Галліи герцоги имѣли одно только военное значеніе, а иногда званіе герцога было лишь почетнымъ титуломъ жалуемымъ какому-нибудь важному графу, когда онъ напр. соединялъ подъ своимъ управленіемъ нѣсколько графствъ. Иной характеръ имѣли герцогства въ собственно германскихъ земляхъ; здѣсь герцогъ былъ племеннымъ начальникомъ, управлялъ своими землями почти независимо отъ короля и приносилъ ему

только присягу въ вѣрности. Наконецъ, кромѣ графствъ и герцогствъ, на всѣхъ границахъ государства были марки или маркграфства, большіе округа съ многими укрѣпленными мѣстами, которыми управляли маркграфы или маркизы. Это были тѣже графства, но только съ усиленною военною и гражданскою властью и обязанныя защищать границы отъ нападений сосѣднихъ народовъ. Такимъ образомъ, за исключеніемъ племенныхъ германскихъ герцогствъ, въ общемъ строѣ франкскаго государства выдерживался тотъ типъ областнаго управленія, основой котораго было графство. Сначала графская должность имѣла характеръ простаго порученія, временнаго полномочія, даваемого королемъ и зависящаго совершенно отъ его воли. Король, по своему усмотрѣнію, назначалъ графовъ, перемѣщалъ ихъ, увольнялъ или давалъ имъ другое назначеніе. Но съ теченіемъ времени съ графскою должностію произошло тоже, что съ иммунитетомъ и бенефиціями. Дѣло въ томъ, что графъ, какъ и прочіе должностные лица того времени, не получалъ опредѣленнаго и постояннаго жалованія, которое могло бы держать его въ должномъ повиновеніи королю. Въмѣсто жалованія графу предоставлялась королевская бенефиція въ самомъ графствѣ, вмѣстѣ съ населявшими ее людьми, которая называлась *res* или *pertinentia comitatus*. Графская должность и графская бенефиція, вслѣдствіе этого, какъ бы срослись между собою, сдѣлались неразрывными и равнозначущими. Отсюда понятно, что въ то время, какъ всѣ бенефиціи сдѣлались наследственными, такими же должны были стать и графскія должности, прикрѣпленныя къ бенефициальной землѣ. Во Франціи это было окончательно узаконено въ 887-мъ году капитуляріемъ, даннымъ въ Кверси Карломъ Лысымъ. Въ 9-й гл. этого капитулярія говорится: „если помретъ графъ, а сынъ его будетъ съ нами или въ отсутствіи, то графствомъ управляетъ ближайшій родственникъ вмѣстѣ съ нашими чиновниками и епископомъ. Если у него останется малолѣтній сынъ, то графствомъ долженъ управлять онъ... Подобнымъ образомъ надо поступать и относительно нашихъ вассаловъ“. Этимъ капитуляріемъ не только было допущено то, что существовало, какъ злоупотребленіе, на практикѣ, но и возведено въ обязательный законъ, и такимъ образомъ вся власть, лежавшая въ долж-

ности графа, сдѣлалась частною собственностью, всѣ политическія права короля перешли въ частное право графа. Подобно графской должности сдѣлались наследственными и должности герцоговъ и маркграфовъ и образовали собою ленныя герцогства и маркграфства, объемомъ своимъ значительно превосходившіе простыя графства. Съ утвержденіемъ наследственности должностей *государство окончательно распалось на множество большихъ и малыхъ владѣній*, изъ которыхъ каждое пользовалось извѣстною степенью государственной самостоятельности, *бенефициальная система перешла въ феодальную* и возникъ тотъ строй жизни, который сталъ называться феодализмомъ.

Нельзя впрочемъ думать, что возникновеніе феодальныхъ территорій вездѣ происходило правильнымъ, какъ бы систематичнымъ образомъ. То, что было сказано мной о происхожденіи феодализма, представляетъ собою процессъ феодализаціи въ общихъ чертахъ, такъ сказать теоретически. Въ дѣйствительности же сплошь и рядомъ встрѣчались многія исключенія, видоизмѣненія и частныя различія. Притомъ, въ каждой странѣ Запада процессъ феодализаціи совершался своеобразно, съ нѣкоторыми особенностями и не въ одно и то же время. Ранѣе всего феодализмъ возникъ во Франціи: здѣсь уже въ X-мъ вѣкѣ образованіе его вполнѣ закончилось; послѣднимъ моментомъ въ исторіи возникновенія феодализма во Франціи было избраніе Гуго Капета французскимъ королемъ. Въ исторіи французскаго феодализма эта перемѣна династіи имѣла важное значеніе. Пока королями были каролинги, то хотя власть ихъ и не имѣла силы, но все-таки съ нею соединялись старыя воспоминанія и преданія другой нефеодальной эпохи. Теперь же королемъ сдѣлался простой ленный владѣлецъ, выдѣлявшійся только обширностью своихъ владѣній и личными достоинствами. Принявши корону, онъ сталъ только верховнымъ леннымъ господиномъ, главою всей феодальной іерархіи, первымъ между равными; онъ былъ ленный король, а не государь въ смыслѣ римской идеи. Въ Германіи же переходъ въ феодальное государство совершался гораздо медленнѣе и полное развитіе феодальнаго порядка вещей относится здѣсь къ нѣсколько позднѣйшему времени, къ XII и XIII вв. Наконецъ, въ Англію феодализмъ былъ занесенъ и привить здѣсь

вмѣстѣ съ завоеваніемъ Британскаго острова норманнами въ началѣ второй половины 11-го вѣка. Въ каждой изъ этихъ странъ феодализмъ носилъ одни и тѣ же существенныя черты, и въ каждой же онъ имѣлъ свои особенности.

II. Отъ вопроса о происхожденіи феодализма перехожу къ характеристикѣ внутренней жизни его.

Обособленіе, кристаллизація, начавшаяся подѣ влияніемъ феодализма, не закончилась только образованіемъ множества отдѣльныхъ государствъ: оно проникало повсюду дальше и дальше, до самыхъ низшихъ слоевъ общества. Внутри каждаго государства отдѣльные слои общества, сословія, званія, занятія, ремесла отдѣлялись другъ отъ друга, замыкались въ самихъ себя, жили особой жизнью и имѣли свои права, свои нравы и свою физиономію. Феодальный владѣлецъ Испаніи въ сущности стоялъ ближе къ феодальному владѣльцу далекой Англійи, о которомъ онъ ничего не слыхалъ, чѣмъ къ горожанину, жившему почти подлѣ его замка. Для купца Франціи былъ близокъ купецъ Германіи, но неизмѣримое разстояніе раздѣляло его отъ гордаго барона и отъ униженнаго загнанаго крестьянина, жившаго съ нимъ рядомъ. Все зарывалось, какъ бы приростало къ своему мѣсту. Страна покрывалась массивными, тяжелыми укрѣпленіями, отъ которыхъ не могли далеко отойти ихъ обитатели. Не къ дорогамъ, не къ естественнымъ путямъ сообщенія жметса населеніе, а бѣжитъ вдаль отъ нихъ,—на высокія скалы, за искусственные рвы и валы. Укрѣпленъ феодальный замокъ, крѣпостью смотритъ монастырь, высокой стѣной окруженъ торговый городъ,—и его дома за недостаткомъ мѣста поднимаются ввысь къ небу многочисленными этажами. Вся жизнь, всѣ отношенія приняли мѣстный характеръ; власть сдѣлалась мѣстной и срослась съ поземельной собственностью; тоже самое произошло и съ правомъ. Люди жили и судились уже не по личному племенному праву и не по капитуляріямъ каролинговъ, потерявшихъ всякую силу съ распаденіемъ имперіи, а по праву той мѣстности, той земли, на которой они обитали. Долина сдѣлалась королевствомъ, гора уже составляла другое, и каждое изъ нихъ имѣло свои законы. Во Франціи нерѣдко даже было такъ, что однимъ и тѣмъ же словомъ въ разныхъ частяхъ странъ обозначали не совсѣмъ сходныя понятія между тѣмъ, какъ одна и таже

вещь, при различныхъ побочныхъ обстоятельствахъ, носила различныя названія. Въ обществѣ получили господство мелкіе интересы,—узкіе своекорыстные разсчеты: каждый зналъ только себя, заботился о безопасности своей жизни. Припомнимъ, чѣмъ наполнена внѣшняя исторія тѣхъ трехъ столѣтій, въ продолженіи которыхъ господствовали феодализмъ? были-ли здѣсь какіе-либо общія великія событія, въ которыхъ принимало бы участіе все общество? Нѣтъ, такихъ событій мы напрасно стали бы искать въ этомъ періодѣ: онъ наполненъ постоянными нескончаемыми войнами, но эти войны велись не во имя общихъ интересовъ; это были частныя распри отдѣльныхъ феодальныхъ владѣльцевъ, ихъ хищническія набѣги другъ на друга. Правда, въ предѣлахъ разсматриваемой эпохи умѣщаются крестовые походы и борьба папъ съ императоромъ, взволновавшими собой все западное средне-вѣковое общество, но они, хотя и стояли въ связи съ феодализмомъ, были вызваны не имъ съ отдѣльностью, а католицизмомъ. Феодализмъ самъ по себѣ могъ породить только мелкія столкновения, а не великія массовыя движенія, какъ напр., крестовыя походы; для общихъ интересовъ въ феодализмъ не было мѣста.

Чтобы прослѣдить характеристическія черты феодальнаго быта, столь долго господствовавшаго въ Европѣ, нужно очевидно обращаться не къ этимъ внѣшнимъ событіямъ, имѣющимъ частный интересъ и случайное происхожденіе, а къ тѣмъ мелкимъ самостоятельнымъ уголкамъ, на которые разбилъ феодализмъ западно-европейское общество и въ которыхъ онъ сосредоточилъ всю жизнь того времени т. е. нужно разсмотрѣть феодальную сеніорію. Сеніорія составляла основной элементъ феодальнаго строя, его первичную частичку, которую нельзя разрушить безъ того, чтобы не уничтожить феодальнаго порядка. Что же разумѣется подъ именемъ феодальной сеніоріи? Представимъ себя болѣе или менѣе обширное помѣстье, вся земля и населеніе которой признаетъ верховную власть одного помѣщика сеніора, и мы будемъ имѣть предъ собой простой ленъ или простой феодеъ. Изъ совокупности такихъ сеніорій и образовывалось феодальное государство, а изъ населенія его слагалось феодальное общество. Во Франціи каждая подобная сеніорія къ XI вѣку уже было самостоятельнымъ государствомъ. Въ

главѣ каждой сеніоріи стоялъ владѣлецъ ея сеніоръ или феодалъ, совмѣщавшій всю возможную для того времени полноту власти и правъ. Онъ былъ прежде всего помѣщикомъ землевладѣльцемъ: на далекое пространство замокъ его окружали воздѣланныя поля, густые лѣса и разные другія угодья, и куда бы онъ ни кинулъ свой взглядъ съ высоты замковыхъ сооруженій, онъ повсюду видѣлъ свою землю, свое поле, свой ему только принадлежащій лѣсъ. Онъ, далѣе, былъ господиномъ всѣхъ людей, живущихъ въ предѣлахъ его владѣній; всякій, кто вставалъ и ложился спать на его землѣ, былъ подчиненнымъ ему человѣкомъ, его крѣпостнымъ слугою, батракомъ, обязаннымъ ему разнаго рода повинностями и оброками и своимъ трудомъ обезпечивавшимъ его матеріальный достатокъ и довольство. Наконецъ, онъ былъ государемъ, пользовавшимся не только автономіей, но и почти самодержавіемъ. Какъ государь, онъ имѣлъ свое войско, могъ чеканить свою монету, устанавливалъ и собиралъ общественныя иалоги и подати, и имѣлъ право объявлять войну и противился всякому вмѣшательству въ его дѣла. законному и справедливому также, какъ незаконному и произвольному. И всѣмъ этимъ положеніемъ, всѣми этими правами онъ обязанъ, былъ исключительно самому себѣ! Легко понять, какъ должно было дѣйствовать на феодала сознаніе этой полноты принадлежащихъ ему правъ: оно рождало въ немъ неизмѣримую гордость, надменность, доходящую до дерзости и искреннее презрѣніе къ окружающему его люду. „Я не удостоиваюсь быть княземъ, но могу быть королемъ: я Роганъ“,—вотъ что было девизомъ напр. бретонскаго дома Рогановъ. И не только бретонскій домъ, который все-же былъ виднымъ аристократическимъ домомъ во Франціи, но и какой-нибудь Куси, мелкій баронъ, сидѣвшій около Парижа, имѣлъ девизъ такого рода. „Я не герцогъ, не маркизъ—я государь“, и онъ былъ правъ, потому что въ своемъ помѣстьи онъ обладалъ такою же властью, какъ и король, хотя владѣнія послѣдняго были больше. Не чувствуя иадъ собой никакой власти, никакого закона, который стѣснялъ бы его произволь и сдерживалъ его волю; не видя рядомъ съ собой съ своей сеніоріи ни одного человѣка, равнаго или хотя бы приближающагося къ нему по своему положенію, феодалъ невольно начиналъ смотрѣть на себя, какъ на

существо высшаго порядка, не похожее на всѣхъ остальныхъ обитателей сеніоріи. Въ немъ складывалось убѣжденіе,—то убѣжденіе, которое и донинѣ не остается безъ вліянія въ общественныхъ отношеніяхъ,—что въ жилахъ его феодала течетъ иная болѣе лучшая и достойная кровь, что онъ представитель особой благородной породы людей, предназначенной къ господству и власти.

Вѣншиимъ знакомъ этой власти сеніора являлся замокъ, служившій центромъ его владѣній. Замки нужно признать характернѣйшими явленіями изучаемой эпохи, отражающими ея духъ и характеръ. Отдѣлившись отъ всѣхъ остальныхъ сословій и сдѣлавшись самостоятельными государями, феодалыне владѣльцы по необходимости должны были замкнуться за высокими стѣнами, укрѣпиться въ своемъ помѣстьи для того, чтобы отстоять свои права и независимость. Впрочемъ, замки начали строить гораздо ранѣе, чѣмъ развился феодализмъ; потребность въ укрѣпленныхъ мѣстахъ, куда можно было бы укрыться въ случаѣ опасности, чувствовалась сильно еще въ эпоху переселенія,— и римскія виллы, разбѣянные по Галліи, еще въ то время стали окружать себя рвами и насыпями, обращались въ замки. На это происхожденіе замковъ изъ виллъ въ древнѣйшую эпоху указываютъ названія множества замковъ Франціи, оканчивающіяся на вилль, какъ напр. Фрондевилль, Абовилль, Меревилль и пр. Но если эти замки, происшедшія отъ укрѣпленныхъ виллъ, расположены были большею частью въ долинахъ, среди богатыхъ равнинъ, то анархія послѣдующихъ вѣковъ заставляла бѣжать отъ легко доступныхъ мѣстъ и укрѣпляться на скалахъ или на водѣ. Въ этомъ отношеніи важное значеніе имѣли набѣги норманновъ: они не только раждали необходимость въ прочныхъ укрѣпленіяхъ, бургахъ, способныхъ выдержать продолжительную осаду, но и дѣлали изъ замка срединный пунктъ, центръ для всего окружающаго населенія, на который оно въ случаѣ опасности привыкло возлагать свои надежды. Впослѣдствіи, при распаденіи монархіи Карла Великаго, замки стали оплотомъ самостоятельности возникавшихъ феодаловъ, средствомъ борьбы противъ слабой королевской власти. Вотъ почему число укрѣпленныхъ пунктовъ чрезвычайно возросло преимущественно послѣ смерти Карла Великаго, при Людовикѣ бла-

гочестивомъ и Карлъ Лысомъ. Все, что искало самостоятельности и стремилось обособиться, ограждало себя въ это время крѣпкими стѣнами и глубокими рвами. Понятно, что это усиленное построение крѣпостей возбуждало тревоги и опасенія въ тѣхъ лицахъ, для которыхъ оно было знакомъ ослабленія ихъ власти. Не только король, но и каждый сюзеренъ съ неудовольствіемъ смотрѣлъ на возводимый его вассаломъ замокъ, такъ какъ вассаль такимъ образомъ пріобрѣталь сильное средство для независимости и сопротивленія. Чрезъ весь IX и послѣдующіе вѣка, дѣйствительно, идетъ борьба противъ замковъ: и короли своими капитуляріями, и знатные сюзерены оружіемъ, и епископы церковными мѣрами стараются воспрепятствовать сооруженію укрѣпленій. Такъ напр. Фульбертъ, епископъ шартскій, жившій въ IX в., считаль постройку замковъ прямо дѣломъ дьявольскаго навожденія и по поводу сооруженія таковыхъ въ епископствѣ его запретилъ звонить въ колокола и почти совершенно прекратилъ богослуженіе.

Не смотря на эти затрудненія, замки все-таки размножались и въ феодальную эпоху сдѣлались неизбѣжною принадлежностью каждой сеніоріи.

Уже при одномъ взглядѣ на средневѣковый замокъ, легко можно замѣтить, что его архитекторомъ руководило не изящество или удобство, а иная цѣль,—цѣль защиты и безопасности. И если въ поэтѣ слово „замокъ“ вызываетъ разныя картины изъ идеализированной рыцарской жизни позднѣйшей эпохи, то въ историкѣ напротивъ онъ долженъ возбуждать воспоминаніе о желѣзномъ времени, когда люди по возможности запирались и укрывались другъ отъ друга, имѣя на то—надо сказать—достаточныя основанія. Вотъ описаніе одного замка XIV вѣка, сдѣланное Монтейлемъ:

„Представьте себѣ великолѣпное мѣстоположеніе, крутую гору, увѣчанную утесами и перерѣзанную оврагами и пропастями: на склонѣ ея стоитъ замокъ. Величина его выдается еще болѣе, благодаря небольшимъ окружающимъ его домикамъ. Вся дверь (въ замокъ) покрыта кабаньими и волчьими головами, украшена сбоку башенками и увѣчана высокой караульной. При входѣ вамъ приходится пройти три ограды, три рва и три подъемныхъ моста, послѣ чего вы очутитесь на большомъ четырехугольномъ дворѣ, гдѣ находятся ко-

лодцы, а направо или налѣво конюшни, курятники, голубятни, сараи. Погреба, подземелья и тюрьмы въ самомъ низу: надъ ними расположены жилыя комнаты, а еще выше амбары, солильни и склады оружія. Всѣ кровли окаймлены бойницами, парапетами, круговыми ходами и будками. Посреди двора находится замковая башня, гдѣ хранятся архивъ и казна. Она окружена глубокимъ ровомъ и войти въ нее можно только по мосту, который почти постоянно поднятъ. Не смотря на то, что стѣны ея, такъ же какъ и стѣны замка, имѣютъ толщину въ шесть футовъ, она покрыта еще до половины своей высоты рубашкою, т. е. другою стѣною сложенною изъ большихъ плитъ“.

Къ этому описанію, рисующему намъ обычный типъ замка, должно прибавить только то, что замки не вездѣ имѣли одинаковую величину и не всегда отличались такою выработанностью и симметричностью своихъ частей. Въ первую половину среднихъ вѣковъ они вообще представляли собою грубую постройку, а иногда прямо высѣкались въ неприступной скалѣ, къ которой вела узкая, легко защищаемая тропинка, какъ напр. замокъ Рожъ-Гюонъ, находившійся на берегахъ Сены.

Замокъ рѣзкою чертою раздѣлялъ населеніе простой сеніоріи на два далеко не равныя класса: къ одному—принадлежали владѣлецъ замка, его сподвижники и семейство; къ другому—не владѣющіе землею подданные сеніора,—бѣдныя ничѣмъ не защищенныя хижины которыхъ робко жались къ грознымъ стѣнамъ феодальнаго жилища. Пропасть, раздѣлявшая эти два класса, была гораздо глубже, чѣмъ тѣ рвы, которые окружали замокъ. Феодалъ, какъ мы видѣли, обладалъ всей полнотою помѣщичьихъ и государственныхъ правъ. Неселеніе же, обитавшее около его замка, объединялось въ одномъ имени „несвободныхъ“ или „сервовъ“. Съ глубокимъ презрѣніемъ смотрѣлъ феодалъ на этихъ слугъ, труду которыхъ онъ, какъ увидимъ, обязанъ былъ всеѣмъ своимъ благосостояніемъ. „Сервовъ,—говорили феодальные поэты,—ненавидитъ самъ Богъ, который и обрекъ ихъ на тяжелую жизнь, и даже въ раю не оставилъ для нихъ мѣста Іис. Христовъ, не желая, чтобы они жили вмѣстѣ съ нимъ“. При самомъ сотвореніи міра, по ихъ словамъ, Богъ создалъ три породы людей: дворянъ, духовныхъ и виллановъ, обрекши послѣд-

нихъ вѣчно работать въ пользу первыхъ. Такія возрѣнія не были въ то время чѣмъ-либо единичнымъ и мѣстнымъ: епископъ Геральдъ на одномъ изъ соборовъ XI в. публично развивалъ подобную теорію о трехъ породахъ людей, и къ ней любили возвращаться средневѣковые поэты.—Дѣйствительное положеніе несвободнаго населенія вполнѣ отвѣчало указанной теоріи. Въ эпоху полнаго господства феодальной тиранніи это населеніе стояло на низу общественной лѣстницы, составляло безправную часть общества и находилась въ неограниченной власти сеніора. Сеніоръ могъ дѣлать съ нимъ все, что ему вздумается, справедливо или несправедливо, отвѣчая предъ однимъ Богомъ. Приведу случай изъ позднѣйшей эпохи, когда уже королевская власть возстала на защиту крестьянъ,—случай, хорошо характеризующій положеніе сервовъ. Въ 1253 году капитулъ церкви Парижской Богоматери задумалъ наложить новую дань на крестьянъ своихъ деревень. Сервы одной изъ нихъ отказались платить ее и были посажены въ тѣсную тюрьму въ Парижѣ, гдѣ многіе умерли отъ недостатка воздуха и дурной пищи. Мать короля Людовика IX, Бьянка Кастильская, рѣшилась вступить въ участъ сервовъ, послала спросить у почтенныхъ канониковъ о причинахъ ихъ немилости и обѣщала въ случаѣ надобности заплатить за сервовъ. Каноники грубо отвѣтили королевѣ, что никому нѣтъ дѣла до ихъ поступковъ, что они вольны въ жизни и смерти своихъ людей, и въ доказательство этого посадили въ ту же тюрьму женъ и дѣтей сервовъ. Тогда королева сама пошла къ тюрьмѣ, выломала съ помощію слугъ дверь въ тюрьму и выпустила оттуда измученное и голодное населеніе цѣлой деревни. Это было въ самомъ Парижѣ, вблизи короля, въ половинѣ XIII в. Легко понять, что должно было быть тамъ, куда не проникало имя короля и гдѣ царствовалъ одинъ произволь сеніора. „Er ist mein,—говорила средневѣковая пословица нѣмецкаго дворянства о крѣпостномъ человѣкѣ,—ich mag ihn sieden oder braten—т. е. онъ мой; я могу его сварить или изжарить“. Одинъ историкъ французскаго крестьянства справедливо замѣчаетъ, что потребовался бы цѣлый словарь для того только, чтобы перечислить всѣ термины феодальнаго права, обозначавшіе какой-либо платежъ, какой-либо видъ барщины. Сеніоръ взималъ въ свою пользу всѣ

налоги, установленные ранѣе государствомъ, требоваль пошлинь по всевозможнымъ случаямъ, получаль оброкъ за землю и могъ вымучить у сервовъ все, что ему было угодно. Часто сеніоръ одинъ и тотъ же налогъ требоваль отъ сервовъ дважды и трижды въ годъ; въ послѣдствіи, когда городскіе коммуны начали борьбу съ феодалами, они прежде всего позаботились о томъ, чтобы отстоять право—уплачивать подати разъ въ годъ. „Коммуна,—говоритъ Гибертъ Ножанскій,—хроникеръ XII в.,—коммуна есть ненавистное и новое слово и вотъ что оно обозначаетъ: люди, обязанные платить оброкъ, только разъ въ годъ платятъ то, что они обязаны платить“. Изобрѣтательность сеніора въ изысканіяхъ разнаго рода налоговъ была по-истинѣ безгранична. Такъ, крестьянинъ обязывался молоть и печь свой хлѣбъ только въ господской мельницѣ и печи, отвозить свой виноградъ на господское точило и, конечно, недаромъ,—платить особые сборы при переѣздѣ чрезъ мостъ, за подвозъ къ берегу рѣки, со стадъ и со всадниковъ, съ экипажа и пр. Привилегіи сеніора обезпечивали ему не только необходимое, но и удовольствія, которыя весьма дорого обходились для сервовъ. Таково было напр. право охоты, въ силу котораго крестьянинъ не могъ истреблять дичи, портившей его посѣвы, не могъ начинать покоса, пока птицы не выведутъ своихъ птенцовъ, долженъ былъ помогать сеніоріальной охотѣ, которая нерѣдко сопровождалась опустошеніями въ его же полѣ. Существовала даже особая категория феодальныхъ правъ, называвшаяся въ XVIII в. смѣшными правами и состоявшая въ исполненіи унижительныхъ и позорныхъ дѣйствій. Такъ, сеніоръ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ имѣль право вызвать къ себѣ фермера, заставить его показать себѣ монету и, затѣмъ, положить ее обратно фермеру въ карманъ. Или вотъ еще одинъ изъ курьезныхъ обращиковъ этого рода повинностей: когда люксейскій аббатъ пріѣзжалъ въ деревню Montreux въ Лотарингіи, гдѣ у него было много прудовъ, крестьяне должны были ночью бить палками по этимъ прудамъ, чтобы кваканіе лягушекъ не безпокоило аббата, при чемъ отбывавшіе этотъ странный налогъ обязаны были пѣть слѣдующее:

„Тише, лягушечки, тише! къ намъ пріѣхаль г. аббатъ, котораго да хранить Господь“.

Для того, чтобы дать ясное понятіе о томъ, что возлагалось на средневѣковаго крестьянина, я сошлюсь на одно описаніе, которое можетъ служить примѣромъ для тысячи другихъ; это писцовая книга монастыря св. Троицы въ Лондонѣ. Такихъ писцовыхъ книгъ сохранилось очень много отъ XIII-го вѣка, а нѣкоторыя изъ нихъ восходятъ даже до XII-го столѣтія. Описаніе ихъ очень однообразно; страдаетъ этимъ же недостаткомъ и то, какое я хочу привести, но его историческая поучительность не мало не уменьшается отъ этого. Составлено оно въ 1260-мъ году и опредѣляетъ собою повинности нѣкоего крѣпостнаго Джона Кампе, который долженъ былъ за пространство земли въ 15 акровъ выполнять слѣдующее: „Отъ праздника св. Михаила до Р. Х. каждую недѣлю исполнять двѣ работы и вспахать 3 акра; онъ же въ день св. *Томи* (21 Декб.) долженъ доставить 4 курицы и одного пѣтуха, кромѣ того вспахать одинъ акръ въ тотъ же срокъ и за это получить пищу. На другой день послѣ этого онъ пашетъ полакра по просьбѣ (повинность по просьбѣ отличается тѣмъ, что въ этотъ день работникъ получаетъ пропитаніе отъ сеніора). Отъ Обрѣзанія Господня до Срѣтенія каждую недѣлю двѣ работы по волѣ господина. Отъ Срѣтенія до Пасхи пахать одну роду ($\frac{1}{4}$ акра) и кромѣ того двѣ работы. Наканунѣ Пасхи 15 яицъ. Отъ Пасхи до Вознесенія каждую недѣлю двѣ работы. Отъ Вознесенія до праздника оковъ св. Петра—двѣ работы и кромѣ того вспахать одну роду, какъ и прежде. Возить тяжести отъ праздника св. Михаила до праздника Оковъ св. Петра — 20 разъ въ Лондонѣ. Онъ же сниметъ сѣно съ восьмой части шести акровъ дуга, и за то ему и его товарищамъ дадутъ за каждый акръ два денарія (надо замѣтить, что подобныя случаи, когда дается плата, встрѣчаются только, какъ исключеніе). Онъ же свезетъ въ счетъ одной работы 3 стога сѣна и поставитъ двухъ людей, чтобы полоть траву: 2 раза по просьбѣ до девяти часовъ, однако безъ пищи, а только вечеромъ одинъ разъ поужинать. Отъ праздника Оковъ св. Петра до праздника св. Михаила каждую недѣлю пять работъ и вязать снопы и возить ихъ на господское гумно, при чемъ праздники не пойдутъ въ счетъ, кромѣ Успенья, да и то, если этотъ праздникъ случится не въ субботу. Кромѣ того по просьбѣ 3 раза поставитъ трехъ работниковъ, а въ 4-й

разъ одного, при чемъ получить пищу, а вечеромъ питье. Отъ праздника Оковъ св. Петра до праздника св. Мартина (11 Ноября) никто не имѣеть права продавать свиней безъ позволенія, а въ день св. Мартина за каждую годовалую свинью даетъ господину динарій, а если ей полгода—оболь ($\frac{1}{2}$ денарія). Никто не имѣеть права выдать дочь замужъ, или самъ жениться, или женить сына, или продать быка и лошадь безъ позволенія, ибо господинъ долженъ быть ближе всѣхъ. Также, если кто умретъ, то господинъ получить лучшую голову скота, а вдова будетъ держать домъ и землю, пока живетъ честно, наслѣдникъ же, когда возьметъ землю, долженъ согласиться съ господиномъ о выкупѣ“.

Приведенный документъ любопытенъ въ двоякомъ отношеніи; онъ любопытенъ, прежде всего, по своей бытовой сторонѣ; на основаніи его данныхъ мы видимъ, что трудовой годъ въ средневѣковой Европѣ дѣлился на періоды тѣмъ же самымъ способомъ, какимъ онъ дѣлится и теперь въ нашемъ крестьянскомъ міру, т. е. по праздникамъ, при чемъ особенно замѣчательно то, что порубежные праздники въ томъ и другомъ случаѣ совпадаютъ между собой. Такими праздниками являются Рождество, Срѣтеніе, Пасха, Вознесеніе и праздникъ оковъ св. Петра т. е. Петровъ день. Съ Петрова дня начинается періодъ усиленныхъ полевыхъ работъ, главнымъ образомъ, жнитва, который и продолжается до праздника св. Михаила, то есть, переводя на нашъ рабочій языкъ, до Покрова дня, такъ какъ праздникъ Михаила въ западной Европѣ падаетъ на 29 Сентября.

Затѣмъ, изложенный документъ интересенъ и въ историко-экономическомъ отношеніи; онъ съ наглядностью показываетъ, какъ широкъ и разнообразенъ былъ тотъ кругъ хозяйственныхъ повинностей, который обязанъ былъ средневѣковый крестьянинъ въ теченіи года: онъ исполнялъ всѣ полевья работы на землѣ сеніора, пахалъ, убиралъ поле, косилъ, возилъ различныя тяжести въ ближайшій городъ и по временамъ долженъ былъ являться къ помѣщику не одинъ, а съ товарищами или поставлять извѣстное число рабочихъ. Особенно тяжко ему приходилось отъ Петрова дня до Михайлова (т. е. до Покрова), когда сеніору онъ долженъ былъ отдавать 5 рабочихъ дней въ недѣлю, при чемъ праздники не шли въ счетъ; въ остальные дни онъ работалъ на

своемъ полѣ. Судите же сами, сколько рабочихъ дней въ году было у средневѣковаго крестьянина?

Вотъ различныя права, которыя въ самыхъ разнообразныхъ сочетаніяхъ общи были всѣмъ феодальнымъ владѣльцамъ въ отношеніи къ населенію, обитавшему на ихъ земляхъ. Спрашивается: что же получилось въ концѣ концовъ? Неужели надъ сеніоромъ въ дѣйствительности не было никакого суда? Неужели онъ правилъ, какъ хотѣлъ, и его своеволію нигдѣ не встрѣчало себѣ законнаго обузданія? Самая любопытная сторона феодальныхъ отношеній и заключается въ томъ, что насколько юридическія теоріи развивались односторонне въ пользу сеніоровъ, настолько фактическое положеніе шло въ сторону ограниченія ихъ, въ сторону установленія нормальныхъ отношеній, ихъ же не преидеши. Нужно, впрочемъ сказать, что и юридическое положеніе виллана въ средневѣковой исторіи нельзя смѣшивать съ положеніемъ раба въ древнемъ мірѣ. Въ средѣ несвободнаго населенія, были свои отличія, своя градація правъ, но даже и въ отношеніи къ послѣднему серву власть сеніора не была абсолютной; многія дѣла подлежали церковному суду, право смертной казни принадлежало не всѣмъ сеніорамъ, а только крупнымъ феодаламъ: въ принципѣ феодалъ даже могъ лишиться своего феода за грубое и не справедливое обращеніе со своими подданными и т. п. Однако, не эти юридическія ограниченія стѣсняли своеволіе барона; на законъ онъ не обращалъ вниманія, а судьи, которыхъ онъ самъ же назначалъ, особой справедливостью не отличались: „будь вилланъ изъ стали, его на судѣ съѣстъ рыцарь изъ соломы“,—говорила средневѣковая пословица. Ограниченія произволу феодала ставилъ самый ходъ жизни, и потому-то эти ограниченія оказывались гораздо сильнѣе и дѣйствительнѣе, чѣмъ разныя юридическія опредѣленія. Два факта оказали въ особенности сильное вліяніе на установленіе нормальныхъ и постоянныхъ отношеній между барономъ и вилланомъ, создали своеобразную условную мораль, которая стояла, однако, выше писаннаго закона. Это, во-первыхъ, чрезвычайная разрозненность феодальнаго хозяйства, заставлявшая помѣщиковъ имѣть большое число прикащиковъ. Но какъ бы онъ сталъ контролировать ихъ, если бы повинности крестьянъ не были точно урегулиро-

ваны? и вотъ въ силу этой необходимости устанавливается болѣе или менѣе однообразная, постоянная средняя норма, опредѣляющая повинности виллана въ отношеніи къ сениору. Письменный примѣръ такой нормы намъ и даетъ вышеупомянутая писцовая книга монастыря св. Троицы. Второе условіе, обуздывавшее феодальныхъ владѣльцевъ, вытекало также изъ разрозненности,—но не хозяйственной, а политической. Дѣло въ томъ, что вилланъ, котораго стали бы очень отягощать, имѣлъ всегда полную возможность перебѣжать въ сосѣднее имѣніе—государство; шансовъ на то, чтобы его выдали, было очень мало, потому что рабочими руками дорожили; это могло случиться только въ рѣдкихъ случаяхъ, по общему же порядку между помѣщиками существовала даже особаго рода конкуренція; они старались переманивать виллановъ другъ отъ друга, обезпечивая за ними цѣлый рядъ привилегій и льготъ. Такъ поступали напр. французскіе короли, создавшіе на своихъ земляхъ цѣлый рядъ новыхъ поселеній. Церковь, какъ самая культурная сила средневѣковаго міра, точно также идетъ по тому пути, расширяя и регулируя права виллановъ. Такимъ образомъ извѣстныя нормы и обычаи появляются въ феодальномъ періодѣ естественнымъ путемъ еще до вмѣшательства государства, до того времени, когда нарушенъ былъ феодальный принципъ: „между сениоромъ и вилланомъ нѣтъ другаго судьи, кромѣ Бога“.

III. Отдѣлившись отъ всѣхъ остальныхъ сословій, разорвавши всякую связь съ прочимъ населеніемъ сениоріи, феодаль по необходимости долженъ былъ замкнуться за высокими стѣнами своего замка,—этого оплота и охраны его привилегій. Но здѣсь, внутри замковыхъ укрѣпленій, его ожидало весьма жалкое существованіе: самая страшная праздность и убійственная скука царили во внутренней жизни замка; отрѣзанный отъ всего остальнаго міра, феодаль долженъ былъ довольствоваться одной своей семьей, и не имѣлъ никакихъ занятій, которыми бы онъ могъ наполнить свою жизнь. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ бы могъ заняться феодаль въ своемъ замкѣ? Онъ не чувствовалъ ни малѣйшей надобности обрабатывать свои поля, ибо для этого въ сениоріи было достаточно подневольныхъ работниковъ, да и самое занятіе земледѣліемъ онъ считалъ неблагороднымъ. Промышленная

дѣятельность только что зарождалась и составляла принадлежность средняго, городского сословія; для политической дѣятельности въ вѣкъ феодализма не было мѣста. Существовали искусство и наука; но ихъ феодаль предоставлялъ клирикамъ и даже смотрѣлъ съ презрѣніемъ на эти поповскія хитрости. Единственно благороднымъ, достойнымъ феода дала занятіемъ, по понятіямъ тогдашняго времени, была война,—и вотъ, чтобы не умереть отъ нетерпѣнія и скуки за стѣнами замка, онъ затѣвалъ ссоры съ своими сосѣдами, бѣжалъ на большую дорогу, чтобы грабить проѣзжихъ купцовъ, и просто разбойничалъ. Дѣйствительно, вся жизнь феода привязана была къ его боевому коню, проходила на дорогѣ среди различныхъ приключеній, была, по выраженію Гизо, нескончаемымъ крестовымъ походомъ въ его собственной странѣ. Тотъ длинный рядъ набѣговъ, грабежей, войнъ, который наполняетъ собой средневѣковую исторію, въ большой своей части былъ слѣдствіемъ этой праздности и скуки, царившихъ въ замкахъ, этой постоянной потребности въ дѣятельности, въ движеніи. Когда безопасность или грубая сила заставляла феода на время запереться въ стѣнахъ замка, онъ чувствовалъ себя какъ-бы заключеннымъ въ тюрьмѣ и думалъ только о томъ, чтобы уйти изъ него. Въ одномъ старинномъ рыцарскомъ романѣ *Sarin le Leherain* превосходно изображается томительная скука, овладѣвшая обитателями замка въ рѣдкія минуты общественнаго затишья. Здѣсь разсказывается о Бегонѣ, герцогѣ Гіени, одномъ изъ могущественнѣйшихъ феодальныхъ владѣльцевъ Нормандіи. Вотъ какъ начинается разсказъ: „Бегонъ былъ однажды въ своемъ замкѣ Беленѣ. Подлѣ него была его жена, прекрасная Беатриса; тутъ же были два его малые сына, игравшіе съ другими дѣтьми. Герцогъ Бегонъ смотритъ на нихъ и вздыхаетъ. Беатриса говоритъ ему: „сильный герцогъ, отчего вы печальны? Вы имѣете въ вашихъ сундукахъ много золота и мѣховъ, вы имѣете боевыхъ коней, муловъ и иноходцевъ, и вы побѣдили вашихъ враговъ“ — Бегонъ отвѣчаетъ: „Дама, все что вы сказали правда, кромѣ одного: ни золото, ни мѣха, ни кони не составляютъ еще богатство—это родня и друзья.. Вотъ уже семь лѣтъ, какъ я не видалъ моего брата; хочу съѣздить къ нему. Къ тому же мнѣ говорили, что въ Пуелльскомъ

лѣсу есть кабанъ такой, что ни кто никогда не видываль подобнаго; я убью его и отвезу къ брату.“—Напрасно Беатриса убѣждаетъ его не ѣздить, напоминая, что этотъ лѣсъ находится во владѣнїяхъ его заклятаго врага, напрасно говорить ему о своихъ дурныхъ предчувствїяхъ:—Бегонь ѣдетъ и гибнетъ.

Вмѣстѣ съ измѣненїемъ общихъ порядковъ жизни, измѣнилась и война и способъ вооруженїя; какъ и все въ феодальной Европѣ, она измельчала, сдѣлалась мѣстной и велась маленькими отрядами. Великихъ битвъ, которыми народы древняго и новаго міра привыкли рѣшать спорные вопросы, теперь не было. Военныя дѣйствїя состояли въ небольшихъ стычкахъ, осадахъ замковъ и городовъ, разграбленїи деревень и опустошенїи полей, принадлежащихъ непрїятелю. Въ составѣ войска кавалерїя замѣнила собой пехоту прежнихъ временъ, а самое сраженїе обратилось въ рядъ отдѣльныхъ поединковъ. Закованный съ ногъ до головы въ желѣзо, воинъ феодальной эпохи былъ неуязвимъ подобно греческому Ахиллу. Только черезъ немногія отверстія, оставленныя между отдѣльными частями доспѣховъ, могли достать до него непрїятельскїй мечъ и копье. Поэтому рыцарскїя битвы, не смотря на все мужество бойцовъ, рѣдко бывали кровопролитными. Главная опасность заключалась въ возможности упасть съ коня, такъ какъ тяжело-вооруженному всаднику уже трудно было стать на ноги. Плѣнь былъ неизбѣжнымъ исходомъ для сбитаго съ коня рыцаря, но какъ бы ни былъ дорогъ выкупъ, за рыцаря отвѣчалъ его вилланъ, съ котораго и взыскивалась нужная сумма денегъ. Вся тяжесть войны падала, такимъ образомъ, на поселянъ; для феодала же она представляла не столько опасностей, сколько благопрїятныхъ случаевъ выказать ловкость и разсѣять скуку, наведенною однообразною жизнїю замка.

Жизнь на большой дорогѣ съ постоянными приключенїями и военными подвигами развивали въ феодалѣ неукротимую энергію воли, дикую и грубую натуру,—способную подчиняться одной только матеріальной силѣ. Феодализмъ съ его оторванною отъ общества замковою жизнїю оставлялъ вообще широкое мѣсто для образованїя индивидуальныхъ характеровъ. Въ воинственной обстановкѣ, соз-

данной имъ, и воспитывались тѣ своеправныя личности, которые смѣло противопоставляли свой произволъ требованіямъ цѣлаго общества и закона и которые такъ и просятся въ романъ или поэму. Отличительная черта этихъ феодальныхъ характеровъ — поражающая жестокость, ни предъ чѣмъ не останавливающаяся грубость нравовъ. Вотъ одинъ эпизодъ, рисующій нравы феодальной эпохи.— Въ одной изъ предыдущихъ лекцій я уже упоминалъ замокъ Рожъ—Гюонъ, находившійся на берегу Сены и состоявшій изъ обширнаго подземелья, высѣченнаго въ крутой скалѣ. Въ началѣ XII-го вѣка Рожъ—Гюонъ, принадлежалъ Гвидону, кроткому юношѣ, непричастному злобѣ и хищничеству предковъ. Къ несчастію, у него былъ тестъ иного нрава, Вильгельмъ изъ норманновъ. Вильгельму давно хотѣлось отнять у зятя это удобное для разбойничества убѣжище, и вотъ однажды, во время вечерней службы, онъ пробрался вмѣстѣ съ сообщниками въ церковь и напалъ на Гвидона. Жена послѣдняго, дочь Вильгельма, надѣялась спасти мужа, закрывъ его собою. Она была убита вмѣстѣ съ Гвидономъ. Та же участь постигла и дѣтей, которыхъ убійцы разбивали о камни. За Гвидона вступилось венинское рыцарство; оно заняло всѣ пути къ Рожъ-Гюону, заставило убійцъ, не успѣвшихъ заpastись съѣстными припасами сдаться и предало ихъ мучительной смерти. У Вильгельма заживо вырѣзали сердце,—и любопытно, что лѣтописецъ съ замѣтнымъ удовольствіемъ рассказываетъ объ этой казни, не менѣе самого преступленія характеризующей эпоху.— Еще другой случай подобнаго же грубаго рода, рассказываемый Ордерикомъ Виталиемъ. Одинъ изъ сильныхъ и богатыхъ бароновъ норманскихъ Евстафій бретельскій, женатый на дочери короля Генриха, Юліанъ, просилъ у него башню Иврійскую, принадлежавшую его предкамъ. Король обѣщаль ему исполнить со временемъ его просьбу и въ обезпеченіе далъ ему заложникомъ сына рыцаря Рауля, охранявшаго башню. Евстафій своеобразно поступилъ съ этимъ заложникомъ: онъ вырѣзалъ ему глаза и отослалъ къ отцу. Разгнѣванный Рауль отправился къ королю и требовалъ у него мести. Тогда Генрихъ выдалъ истцу воспитывавшихся при его дворѣ двухъ дочерей Евстафія, своихъ родныхъ внучекъ, съ которыми Рауль и поступилъ по праву мести: онъ вы-

кололъ имъ глаза и отрѣзалъ носы. Можно представить себѣ, съ какимъ чувствомъ узналъ Евставій о правосудіи короля—своего тѣтя. Онъ тотчасъ же объявилъ войну и привелъ въ оборонительное состояніе всѣ свои многочисленныя замки. Въ самомъ Бретелѣ приняла начальство противъ отца Юліана. Окруженная со всѣхъ сторонъ войсками безъ надежды извѣй, она рѣшилась на страшное дѣло, пригласивъ отца къ стѣнамъ замка для переговоровъ, она изъ собственныхъ рукъ пустила въ него стрѣлу. Генрихъ, однако, избѣжалъ опасности и по взятіи Бретеля подвергъ свою дочь слѣдующему наказанію, замыкающему эту кровавую драму. Въ виду войска и жителей Юліана, обнаженная до пояса, была спущена на веревкѣ съ городской стѣны въ ровъ, наполненный холодной водой. Это было въ февралѣ мѣсяцѣ. Несчастная воительница, покрытая стыдомъ, кое-какъ вырвалась изъ-за рва и удалилась къ Евстаію; она умерла впоследствии въ монастырѣ.

Эта возмутительная жестокость, эта дикая грубость нравовъ была не столько слѣдствіемъ нравственной неразвитости всего феодальнаго общества, сколько результатовъ оторванной отъ людскаго общенія замковой жизни, развивавшей упорства и пріучавшей слѣдовать всякому капризу воображенія. Но также самая замковая жизнь съ ея отчужденностью породила одно свѣтлое явленіе, составившееся крупный шагъ впередъ по пути цивилизаціи,—именно она повлекла за собою развитіе семьи и семейственности. Въ тѣсныхъ помѣщеніяхъ феодальнаго замка, выходъ изъ котораго не всегда былъ безопасенъ, семья феодальнаго сеніора жила близко другъ къ другу. Въ своей семьѣ феодаль привывалъ видѣть единственно равныхъ ему во всей сеніоріи лицъ и переносилъ на нихъ то значеніе, какое принадлежало ему. Въ особенности поднималъ феодализмъ значеніе женщины и поставивъ ее въ совершенно новое положеніе. Какъ низко стояла женщина въ предыдущую эпоху исторіи, это видно не только изъ отдѣльныхъ фактовъ, но между прочимъ, и изъ того, что на одномъ изъ западныхъ соборовъ формально былъ поставленъ вопросъ: человѣкъ-ли женщина? Богословы отвѣтили на этотъ вопросъ утвердительно, руководствуясь слѣдующимъ силлогизмомъ: Св. Писаніе называетъ Христа Сыномъ Человѣческимъ, но на землѣ онъ назывался сыномъ Дѣвы

Маріи; и такъ, женщина—человѣкъ. Феодализмъ практически рѣшилъ тотъ же самый вопросъ въ пользу женщины. Жена феодала не только раздѣляла значеніе мужа, но, и при частыхъ его отлучкахъ, замѣняла собой его, оставалась госпожею замка, обязанностию заботиться о защитѣ и чести лена,—и мы уже видѣли примѣръ, что феодалныя женщины отбивали нападенія враговъ на замки и выдерживали иногда долгія и трудныя осады. Въ феодализмѣ и нужно искать начало всѣхъ тѣхъ сторонъ, которыми европейская семья отличается отъ азіатской — восточной. Впослѣдствіи рыцарство еще болѣе возвысило значеніе женщины, поставивши служеніе ей въ число главнѣйшихъ пунктовъ кодекса рыцарскихъ обязанностей.

IV. Приступая къ характеристикѣ феодалнаго строя, я говорилъ, что простымъ элементомъ, первичной частицей феодализма являлась сеніорія т. е. извѣстныхъ размѣровъ территорія, принадлежавшая одному сеніору вмѣстѣ со всѣмъ ея населеніемъ. Каждая сеніорія представляла собой нѣчто цѣлое, замкнутое въ себѣ, была какъ бы маленькимъ самостоятельнымъ государствомъ, имѣвшимъ своего государя, своихъ подданныхъ и свои законы. Къ этой отрѣшенности отъ всего остальнаго міра, къ этой самостоятельности стремился каждый феодалъ, но не каждый могъ на самомъ дѣлѣ достигнуть полной обособленности. Въ томъ порядкѣ вещей, какой былъ созданъ феодализмомъ, уничтожившимъ всякую общую, публичную власть, единственная гарантія безопасности, единственное обезпеченіе личности, собственности и семейства лежало въ частной силѣ cadaго. Чтобы стать особнякомъ, совершенно выдѣлиться изъ общаго строя, надо было имѣть въ своихъ рукахъ военную силу, достаточную для поддержанія и охраненія своихъ правъ. Понятно, что такую силу не могли располагать не только мелкіе, но и крупныя бароны, и потому тѣ и другіе одинаково нуждались во взаимной помощи и услугахъ; мелкіе феодалы искали покровительства у болѣе могущественныхъ феодаловъ.

Въ свою очередь большіе феодалныя владѣльцы для защиты своихъ обширныхъ территорій должны были опираться на постоянную военную помощь, которую они и находили у мелкихъ сеніоровъ. Такимъ образомъ, самый строй феодалной жизни дѣлалъ необходимыми извѣстнаго рода союзы,

добровольныя ассоціаціи между феодалами, и чрезъ это порождать новыя явленія, выразившія собой взаимныя отношенія и связь феодальнаго общества. Въ чемъ же состояли эти явленія?

Къ числу этихъ явленій принадлежитъ прежде всего ленная связь. Ленная зависимость, какъ мы знаемъ, указывала на земельную связь между вассаломъ и сюзереномъ,—на ту связь, въ которую вступалъ вассаль, какъ землевладѣлецъ, къ своему сюзерену, какъ тоже землевладѣльцу. Эта связь состояла въ томъ, что хотя вассаль на своемъ,—часто весьма обширномъ,—помѣстьи былъ такимъ же полновластнымъ сеніоромъ, какъ и его господинъ, т. е. распоряжался и кормился помѣстьемъ по своему произволу, имѣлъ подданное ему населеніе и т. д., однако, не онъ считался юридическимъ собственникомъ своего помѣстья; ему принадлежало только *dominium utile* т. е. право владѣть и эксплуатировать помѣстье; *dominium* же *directum* или право собственника на землю находилось въ рукахъ сюзерена. Въ отношеніи къ своему помѣстью вассаль былъ какъ бы вѣчнымъ и наслѣдственнымъ арендаторомъ своего сюзерена, при чемъ вмѣсто арендной платы на немъ лежали разнаго рода обязательства,—не повинности и не подати, какъ у несвободнаго населенія сеніоріи, а именно обязательства, основывающіяся на добровольномъ соглашеніи двухъ свободныхъ лицъ. Существовали особыя формы, особые обряды и факты, въ которыхъ выражалось это зависимое въ отношеніи къ землѣ положеніе вассала; наслѣдникъ леннаго участка не прямо и не безмолвно дѣлался владѣтелемъ земельной собственности своего отца: онъ долженъ былъ, такъ сказать, возобновить договоръ, прекратившійся за смертью его отца, заявить о своемъ вассальномъ подданствѣ и получить инвентуру.

Въ эпоху окончательнаго развитія и полнаго господства феодализма этотъ обычай имѣлъ уже только формальное значеніе; ничего не измѣнялъ и ничего не устанавливалъ; вассаль часто обладалъ такою военной силой, что могъ съ успѣхомъ противиться своему сюзерену и, потому въ дѣйствительности былъ совершенно независимъ отъ него. Исторія знаетъ даже такіе случаи, когда обрядъ изъявленія вассальнаго подданства обращался намѣренно въ комедію со

стороны непослушныхъ вассаловъ. Такъ, Твери въ своей „Исторіи завоеванія Англіи норманнами“ рассказываетъ, что когда норманскій герцогъ Ролла, при свиданіи съ Карломъ Простымъ, получилъ отъ него въ качествѣ лена всю уже ранѣе завоеванную имъ землю на сѣверѣ Франціи отъ рѣки Эпты до Бретани, и далъ ему присягу въ вѣрности стоя, то французы сказали: „прилично получающему такіе дары преклонить колѣни предъ королемъ и поцѣловать ему ногу“,—какъ это было въ обычаѣ во Франціи. Норманнъ отвѣчалъ: „никогда ни предъ какимъ человекомъ не преклоню колѣна и не поцѣлую ноги никакому человекъ“. Бароны настаивали на своемъ, и Ролла съ лукавой простотой велѣлъ одному изъ своихъ вождей подойти и поцѣловать вмѣсто него ногу короля. Норманнскій воинъ подошелъ, нагнулся не склоняя колѣнъ, взялъ короля за ногу и поднялъ ее для цѣлованія такъ высоко, что Карлъ Простой опрокинулся и упалъ. Не привычные къ условіямъ вѣжливости норманны разразились громкимъ хохотомъ; произошло кратковременное смятеніе, но дальнѣйшихъ дурныхъ послѣдствій этого страннаго происшествія не было.—Разсказанный у Твери случай нужно, однако, признать исключеніемъ изъ общаго правила; въ ту эпоху, когда не было никакого общеобязательнаго писаннаго закона, люди свято хранили обычаи, замѣнявшіе для нихъ законъ, и соблюдали ихъ строже закона даже въ томъ случаѣ, когда они не имѣли никакого практическаго значенія. Подобнымъ образомъ, соблюдался и обычай изъявленія вассальнаго подданства и инвеституры, всякаго практическаго смысла онъ былъ лишень, тѣмъ не менѣе каждому новому вассалу онъ напоминалъ объ особенныхъ отношеніяхъ его къ сюзерену, о земельной его зависимости отъ послѣдняго. Были и другіе, кромѣ разсмотрѣннаго обряда, факты, которые говорили вассалу, что онъ не есть полный собственникъ своего помѣстья и не можетъ свободно располагать землей. Такъ, если онъ хочетъ продать свою землю, то долженъ спросить позволенія у сеніора, и хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ это позволеніе давалось обязательно, однако, за него существовала опредѣленная плата. Когда вассаль умиралъ, не оставивъ совершеннолѣтнихъ наслѣдниковъ, опекуномъ обязательно признавался сеніоръ, помимо родственниковъ. Это право сеніора

было очень выгодно для него, потому что доходы съ имѣнія, за незначительнымъ исключеніемъ въ пользу опекаемыхъ, шли опекуну; если же опекать приходилось дочь, то онъ имѣлъ вліяніе и на выдачу ея замужъ, такъ какъ ему было не безразлично, кто будетъ служить на его землѣ. Въ исключительныхъ случаяхъ ему предоставлялось право лично наблюдать за веденіемъ хозяйства, контролировать вассала даже въ его помѣстьи и, если онъ оказывался плохимъ хозяиномъ, то по нѣкоторымъ кутюмамъ сеніору предоставляется право штрафа и даже конфискаціи. Нельзя сказать, чтобы эти положенія примѣнялись вездѣ, но всѣ они вытекали изъ одного основнаго начала—изъ дробленія идеи собственности, изъ земельной зависимости вассала отъ сеніора.

Съ ленной зависимостью необходимо соединялась зависимость вассальная, хотя и не была тождественна съ нею. Вассальная зависимость простиралась не на землю, а на личность вассала и выражалась со стороны сеніора въ покровительствѣ вассалу, а со стороны вассала—въ вѣрности сеніору. Вассалитетъ есть личное условіе, результатъ извѣстнаго, закрѣпленнаго признаніемъ и оформленнаго обрядомъ отношенія вѣрности, сначала обращенной къ лицу, а потомъ перенесенной и на землю. Эта вѣрность не есть подданство, а отношеніе частнаго характера, видоизмѣненіе понятія службы; она вводитъ вассала не въ положеніе равноправнаго, а въ положеніе покровительствуемаго, при чемъ вассаль сохраняетъ за собой самостоятельность и возможность переходить отъ одного покровителя къ другому. Въ соответствіи этому понятію вѣрности личной, въ феодальномъ обществѣ является особый обрядъ, обрядъ *hommagium*'а, получившій начало еще въ древне германской дружинѣ. Тамъ дружинникъ, провозглашая себѣ вождя, говорилъ: „я становлюсь твоимъ человѣкомъ“; здѣсь, въ феодализмѣ вассаль преклонялся предъ сеніоромъ, становился на колѣни и протягивалъ свои руки; тогда сеніоръ или покровитель бралъ его руки въ свои,—„бралъ его въ свою руку“, какъ выражались тогда и такимъ образомъ обѣщавъ свое покровительство. Затѣмъ слѣдовала присяга на вѣрность: держа свою правую руку на евангеліе, вассаль говорилъ: „слушай господинъ мой, я обѣщаю, что останусь вѣренъ тебѣ и преданъ и что по чести и совѣсти буду исполнять обычаи и

службу, какую долженъ нести на опредѣленныхъ условіяхъ, въ чемъ да помогутъ мнѣ Богъ и всѣ святые“. Очевидно, вассальная связь есть связь добровольная, предполагающая согласіе и сверху, и снизу. Поэтому, въ примѣненіи къ вассальнымъ отношеніямъ не можетъ быть и рѣчи о какой-нибудь государственной власти сеньора надъ вассалами, подобной той, которая разсматриваетъ теперь насъ, какъ подданныхъ, какъ не имѣющихъ по отношенію къ ней юридическаго самостоятельнаго положенія. Подданный, какъ членъ государства, слѣд., какъ часть государственной власти можетъ оказывать на нее давленіе извѣстнаго рода, но какъ подданный, онъ не имѣетъ никакого права на государственную власть; онъ—частное лицо, подчиняющееся рѣшенію государственной власти; это—общій принципъ, примѣняющійся какъ въ абсолютныхъ, такъ и въ свободныхъ государствахъ. Вотъ этого-то отношенія подданства и не было въ феодальномъ вассалитетѣ: онъ есть частный договоръ, при которомъ одна сторона оказывается выше другой, но при которой обѣ имѣютъ свои взаимныя обязанности, обуславливающія ихъ договоръ. Въ чемъ же состояли эти обязанности?

Со стороны сеньора обязанности эти обнимались понятіемъ покровительства вассалу, со стороны же вассала они отличались значительною сложностью. Вообще нужно сказать, что при отсутствіи общаго права въ феодализмъ и при личномъ характерѣ всѣхъ отношеній, они,—эти обязанности вассала,—были далеко не вездѣ одинаковы, но болѣе или менѣе однообразны и вездѣ они распались на три класса, которые носили названіе: *fiducia*, *justitia* и *servitium*. *Fiducia*—вѣрность—состояла въ томъ, что вассаль всегда и вездѣ долженъ былъ оберегать и защищать интересы своего сюзерена, его честь, семейство и имущество,—долженъ былъ готовымъ во всякое время къ его порученіямъ и не принимать ничего, идущаго противъ права своего господина. Словомъ, *fiducia* есть прежде всего *сумма нравственныхъ обязанностей*; такъ, въ силу вѣрности вассаль долженъ былъ не налагать руку на своего господина, не удерживать что-либо изъ его собственности, не совѣтовать въ ущербъ его интересамъ, не говорить на судъ противъ него и т. д. Затѣмъ, *fiducia* есть долгъ вассала помогать сеньору совѣ-

томъ и дѣломъ: въ послѣднемъ случаѣ *fiducia* получаетъ матеріальный характеръ и выражается большею частью, какъ денежная помощь въ особенныхъ строго опредѣленныхъ обычаяхъ, какъ напр. при вооруженіи старшаго сына сеніора, при выдачѣ замужъ старшей дочери и т. п. *Iustitia* состояла въ обязанности вассала являться къ сеніору на судъ и участвовать на немъ или въ качествѣ члена суда или въ качествѣ обвиняемаго или обвинителя. Эта обязанность очень важна и заслуживаетъ особаго разсмотрѣнія: она знакомитъ насъ съ интереснѣйшимъ въ историческомъ отношеніи вопросомъ о томъ, какъ поставленъ былъ судъ въ феодальной Европѣ?

При отвѣтѣ на этомъ вопросѣ должно различать положеніе несвободнаго населенія сеніоріи отъ положенія свободнаго феодала. Несвободное населеніе судилось у помѣщика, при его личномъ участіи или чрезъ посредство лица, спеціально для этой цѣли назначеннаго помѣщикомъ. Но кто же могъ судить самого помѣщика? Каждый феодалъ въ своемъ помѣстьи былъ полноправнымъ государемъ, но государя судить никто не можетъ, если на то не послѣдуетъ его собственнаго согласія; отсюда и судъ въ феодальную эпоху могъ принять только одну форму,—ту форму посредничества, къ которой прибѣгаютъ иногда и государи нашихъ дней, когда не хотятъ употребить аргумента варваровъ т. е. войны и рисковать собой и государствомъ. Совершенно такимъ же посредническимъ характеромъ отличался и феодальный судъ, судъ между двумя владѣльцами, зависящими отъ одного и того же сюзерена. Такъ какъ каждый феодалъ, какъ полновластный государь и членъ благороднаго сословія, былъ равенъ всякому другому лицу этого сословія, то выборъ лицъ, посредствующихъ между нимъ и его противникомъ, могъ состояться только изъ круга феодаловъ,—и притомъ стоящихъ на одинаковой съ нимъ общественной ступени,—изъ круга равныхъ ему лицъ. Такъ возникъ въ феодализмѣ судъ равныхъ или судъ пэровъ; судъ пэровъ представлялъ собой необходимую принадлежность феодальнаго общества, принципъ его, имѣвшій полную силу въ теченіи всей феодальной эпохи т. е. въ теченіи XI, XII и XIII вв.; онъ часто и въ различныхъ сочетаніяхъ повторяется въ документахъ эпохи, въ жалобахъ, до-

говорныхъ грамотахъ и пр. У Гизо въ его „исторіи цивилизаціе Франціи“ приведено достаточно примѣровъ подобнаго рода документовъ, и я не стану ихъ повторять, такъ какъ желающіе могутъ съ удобствомъ ознакомиться съ ними по этому изслѣдованію, и обращусь къ рѣшенію вопроса, опущеннаго у Гизо, именно, къ разсмотрѣнію самаго процесса феодальнаго суда. Этотъ процессъ весьма своеобразенъ. Кругъ равныхъ или пэровъ не былъ судьей въ нашемъ смыслѣ слова, не разбиралъ процесса по существу и лишь присутствовалъ при состязаніи спорящихъ сторонъ; онъ также не искалъ ни преступниковъ, ни свидѣтелей. Дѣло происходило слѣдующимъ образомъ: если вассаль какого-либо сюзерена обвинялъ другаго въ какомъ-либо преступленіи противъ себя, то оба они являлись ко двору сеніора, куда собирались по приглашенію послѣдняго и другіе вассалы т. е. пэры или равные; пэры выслушивали тяжущихся и ихъ свидѣтелей и рѣшали, кто изъ нихъ первый долженъ подвергнуться очищенію т. е. доказать истину своихъ словъ при помощи какого-либо испытанія; если же дѣло представлялось неяснымъ, то судъ предоставлялъ тяжущимся рѣшить споръ поединкомъ. Такъ какъ каждая изъ судящихся сторонъ т. е. обвинитель и обвиняемый приводили съ собой своихъ свидѣтелей, то въ громадномъ большинствѣ случаевъ дѣло кончалось поединкомъ, и поединокъ былъ преобладающей формой рѣшеній феодальнаго суда. Кто побѣждалъ тотъ былъ правъ, кто побѣждался, тотъ умиралъ или уходилъ съ поединка виноватымъ. Это значеніе поединка объясняется міросозерпаніемъ средневѣковаго человѣка; въ глазахъ средневѣковаго человѣка случай, такъ или иначе рѣшающій исходъ борьбы,—случай, зависящій на нашъ взглядъ отъ заранѣе сложившихся причинъ,—представлялся проявленіемъ высшей силы, дѣломъ Божественной правды, карающей виновнаго, а потому прямо назывался „судомъ Божиимъ“. При такомъ взглядѣ на поединокъ, понятнымъ становится та бездна подробностей, та масса всевозможныхъ предосторожностей, какія принимались для того, чтобы поединокъ происходилъ честно и справедливо, чтобы какая-нибудь человѣческая хитрость или случайность не попрепятствовала ходу Божественнаго правосудія. Предъ началомъ поединка противники клялись предъ крестомъ и еван-

геліемъ, а иногда и надъ мошами въ правотѣ своего дѣла, а также въ томъ, что не прибѣгнуть къ колдовству. Герольдъ выкрикивалъ на четыре стороны обращеніе къ зрителямъ, призывающее къ сохраненію тишины; ни крикъ, ни жестъ не должны помѣшать бьющимся; всѣ должны были воздерживаться отъ какого-то бы ни было вмѣшательства въ дѣло. Въ противномъ случаѣ виновнаго въ нарушеніи этого правила постигнетъ серьезное наказаніе; рыцарь можетъ лишиться руки или ноги, а простолюдинъ—головы. Противникамъ отмѣривалось одинаковое пространство, или, какъ тогда выражались, одинаковое количество поля, вѣтра и солнца. Случалось иногда, что битва прерывалась по какой-нибудь особенной причинѣ; тогда дозорцы и герольды слѣдившіе за поединкомъ, обязывались внимательно осмотрѣть положеніе обоихъ соперниковъ въ минуту прерыва битвы,—для того, чтобы они непременно заняли опять тоже положеніе, когда битва будетъ возобновлена. Прибѣгали къ силѣ, и сила должна была рѣшать споръ, но при этомъ въ самое рѣшеніе хотѣли внести возможно больше правильности и справедливости. Въ предписаніяхъ на счетъ поединковъ мы видимъ такимъ образомъ борьбу естественнаго чувства законности противъ варварской грубости судебной формы.

Поединокъ рѣшалъ дѣло тяжущихся безповоротно и окончательно: на „судъ Божій“ апеллировать было некуда; но судъ сенъоріальный, судъ пэровъ, когда онъ оканчивался не поединкомъ, а приговоромъ, могъ не всегда удовлетворять тяжущихся,—и вотъ въ феодальномъ судѣ возникаетъ своеобразная форма апелляціи. Сторона, противъ которой высказался судъ, могла обжаловать приговоръ, но обжаловать не въ нашемъ смыслѣ слова, потому что не было такого высшаго учрежденія, которое имѣло бы право пересмотрѣть дѣло; приходилось обжаловать совершенно иначе, въ смыслѣ опозориванія. Послѣ произнесенія рѣшенія осужденный могъ сказать судьямъ: „я не признаю Вашего рѣшенія правильнымъ и добросовѣстнымъ“, и тогда начинался поединокъ между обиженнымъ и судьями, которые должны были считать себя опозоренными такимъ заявленіемъ. Мы поймемъ эту своеобразную форму обжалованія, если примемъ во вниманіе средневѣковый взглядъ на поединокъ.

какъ на судъ Божій; вступая въ поединокъ съ самими судьями, обиженный ихъ рѣшеніемъ этимъ самымъ апеллировать туда, куда только и оставалось ему апеллировать, т. е. къ суду Божьему. Надо, впрочемъ, замѣтить, что этотъ путь обжалованія имѣлъ болѣе теоретическое, чѣмъ практическое значеніе; дѣло въ томъ, что судьи имѣли полное право биться другъ за друга, такъ что на практикѣ поединокъ съ судьями былъ почти неосуществимъ.—Точно также была предусмотрѣна и другая возможность, именно протестъ противъ свидѣтельскихъ показаній. Если свидѣтельскія показанія казались пристрастными и неправильными, то какое было средство для ихъ опроверженія? Межно было опровергнуть, собравъ убѣдительныя доказательства противоположнаго характера, но этотъ способъ въ феодальномъ порядкѣ вещей не практиковался; оставалось и здѣсь обратиться къ тому же принципу, который дѣйствовалъ въ процессѣ апелляціи, т. е. къ поединку между стороной и свидѣтелями, и такой поединокъ, предусмотрѣнный феодальной теоріей суда, иногда на самомъ дѣлѣ осуществлялся. Изъ указаннаго принципа получились послѣдствія, которыя имѣли значеніе далеко за предѣлами непосредственнаго примѣненія и непосредственной судьбы самого принципиальнаго начала. Въ феодальномъ судѣ есть признаки, которые косвенно сказываются въ постановкѣ нашего суда присяжныхъ, хотя на первый взглядъ между ними не можетъ быть ничего общаго. Одинъ изъ самыхъ важныхъ признаковъ суда присяжныхъ—это невозможность апелляціи. пересмотра дѣла по существу; въ присяжномъ судѣ возможенъ пересмотръ только вслѣдствіе нарушенія законныхъ формъ,—значить, насильственный порядокъ, а не апелляція. Это положеніе, обезпечивающее полную самостоятельность за присяжными, исторически представляетъ собой развитіе одного изъ принциповъ суда пэровъ, гдѣ лица, равныя подсудимому, высказывались относительно извѣстнаго дѣла окончательно, потому что они судили не какъ представители власти, а какъ посредники; не было возможности пересматривать рѣшеніе, такъ какъ дѣло, начавшееся въ извѣстномъ кругу, тамъ должно было и кончиться и не могло никуда изъ него выйти. Съ точки зрѣнія феодальныхъ обособленныхъ кружковъ возможно было только одно обраще-

ніе къ высшей власти,—именно въ случаѣ отказа пэровъ въ судѣ, но это было уже обращеніе не въ судебномъ порядкѣ, а обращеніе въ формѣ жалобы на то, что отказываютъ въ судѣ; въ этомъ случаѣ рѣчь шла не о томъ, чтобы высшая власть сама и вновь разобрала дѣло, а о томъ, чтобы было назначено правильное и обычное судебное засѣданіе.

Изъ сказаннаго о судебныхъ порядкахъ въ феодальную эпоху вполне ясно становится та обязанность вассала въ отношеніи къ своему сюзерену, которая обозначалась въ то время словомъ „*justitia*“. Сеніоръ одинъ не могъ производить суда надъ своимъ вассаломъ, такъ какъ вассалъ не былъ его подданнымъ; для судопроизводства онъ нуждался въ содѣйствіи другихъ вассаловъ, которые и должны были по его призыву являться къ его двору въ назначенное время. Это была, дѣйствительно, обязанность, т. е. нѣкотораго рода нравственная повинность; при той разобщенности, какая существовала въ феодальномъ обществѣ, вассалы, призываемые судить своихъ равныхъ, часто оказывались совершенно незнакомыми другъ съ другомъ; они жили на своихъ земляхъ въ одиночку и не вступали ни въ какія отношенія между собою; въ дѣлахъ своихъ сосѣдей они были заинтересованы очень мало и часто ихъ совѣмъ не знали. Вслѣдствіе этого на феодальные суды они сѣзжались весьма неохотно, и сеніору для отправленія правосудія приходилось довольствоваться очень небольшимъ числомъ присутствующихъ: тремя или даже двумя вассалами. Сеніоръ созывалъ тѣхъ, кто былъ ему съ руки; онъ и не обязанъ былъ призывать всѣхъ вассаловъ; поэтому, въ составѣ суда пэровъ скоро нашель себѣ мѣсто произволь, и феодальный судъ мало по-малу сталъ терять всякое довѣріе къ себѣ въ феодальномъ обществѣ.

Самое важное и главное свое выраженіе вассальныя отношенія находили въ третьей обязанности вассала, въ „*servitium*“. Этимъ терминомъ въ феодальную эпоху обозначалась преимущественно военная служба, которую несъ вассалъ при своемъ сюзеренѣ. Военная служба была необходимо связана съ вассалитетомъ и предполагалась всякимъ леннымъ владѣніемъ; т. е. кто владѣеть к.-л. земельнымъ участкомъ на правахъ лена, тотъ неизбѣжно и по этому самому несетъ уже службу при своемъ сеніорѣ въ качествѣ воина. Срокъ,

продолжительность и форма этого обязательства были въ разныхъ мѣстностяхъ весьма различны; въ одномъ мѣстѣ срокъ службы опредѣлялся шестьюдесятью днями, въ другомъ двадцатью, въ третьемъ сорока днями,—число встречающагося наиболѣе часто; равнымъ образомъ, иногда вассаль долженъ былъ являться одинъ, и иногда съ извѣстнымъ количествомъ людей и т. д. Но какъ бы ни были разнообразны формы этой обязанности, несомнѣнно, однако, что въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ онѣ были въ точности и подробно опредѣлены. Слѣдовательно, и здѣсь, въ приложеніи къ военной службѣ, выдерживался общій договорный характеръ вассальныхъ отношеній; сюзеренъ могъ требовать только того, что было обѣщано вассаломъ, что утверждено договоромъ или обычаемъ. Поэтому, сюзеренъ не имѣлъ права задержать своего ленника на войнѣ дольше положеннаго срока; въ такихъ случаяхъ ленникъ не обязанъ былъ слѣдовать за сеніоромъ и, какъ человѣкъ свободный и самостоятельный, исполнивши свое условіе, могъ удалиться со своимъ отрядомъ домой. Легко видѣть, что на практикѣ эта самостоятельность ленниковъ и условность ихъ военной службы рождала рядъ серіозныхъ неудобствъ для сюзерена; случалось, что вассалы покидали ихъ въ самыя рѣшительныя минуты; такъ напр. Генрихъ Левъ удалился предъ битвой при Леньяно, не смотря на всѣ униженныя просьбы императора Фридриха.

Спрашивается: какимъ же способомъ сюзеренъ могъ предупредить это непріятное для него положеніе? Самъ по себѣ сеніоръ не могъ дѣлать никакихъ общеобязательныхъ постановленій для своихъ вассаловъ; онъ не имѣлъ ни малѣйшаго права измѣнить что-либо въ тѣхъ обычаяхъ и обязанностяхъ, которыя связывали его съ послѣдними; всякая попытка сеніора ввести въ эту связь что-либо новое понята была бы вассаломъ, какъ вторженіе въ его права, какъ нарушеніе договора, соединяющаго его съ сеніоромъ; въ подобномъ случаѣ вассаль счелъ бы себя вправѣ отказаться отъ своей вассальной зависимости и перейти къ другому сеніору. Но будучи лишенъ возможности самостоятельно издавать какія-либо новыя узаконенія, сеніоръ могъ это сдѣлать съ общаго согласія всѣхъ своихъ вассаловъ,—и согласія, конечно, добровольнаго. Такимъ образомъ, въ

феодализмъ возникаетъ общее законодательство, которое носитъ на себѣ характеръ какъ бы международнаго соглашения, соглашения въ формѣ сѣздовъ. Всѣ или нѣсколько вассаловъ извѣстнаго сюзерена сѣзжаются вмѣстѣ, къ его двору, и здѣсь вырабатываютъ новыя правила, обязательныя для участниковъ сѣзда. Въ этихъ сѣздахъ мы должны видѣть зародышъ того учрежденія, которымъ въ настоящее время опредѣляется конституціонный порядокъ государственной жизни т. е. парламента. Самый терминъ „parliamentum“ первоначально проявляется въ примѣненіи именно къ этимъ добровольнымъ сѣздамъ, на которыхъ равноправныя лица уговаривались между собой. Однако, если кто-либо изъ участвовавшихъ въ сѣздѣ былъ несогласенъ съ общимъ мнѣніемъ, то его принудить къ этому никто не могъ, такъ какъ онъ являлся не членомъ высшаго цѣлаго, а представителемъ самостоятельнаго права. Вотъ что такое былъ первоначальный парламентъ; тѣмъ не менѣе онъ имѣлъ серьезное значеніе при переходѣ отъ феодализма къ государству, и первымъ признакомъ его развитія оказалось появившееся въ немъ понятіе большинства на сѣздѣ,—понятіе о томъ, что сѣздъ не только случайное собраніе сѣхавшихся, но необходимый представитель какого-то высшаго, цѣлаго.

Перечисленными обязанностями исчерпывались всѣ отношенія вассалла къ своему сюзерену; исполнивъ эти обязанности, вассаль уже пользовался полною самостоятельностью въ своемъ ленѣ; здѣсь онъ былъ вполне независимымъ и свободнымъ человѣкомъ. Поэтому, нельзя сказать, чтобы вассальныя отношенія уничтожали ту разнь, ту обособленность въ общественной жизни, которою характеризуется феодализмъ. Съ другой стороны, однако, несомнѣнно, что они ослабляли разрозненность общественныхъ элементовъ, сближали многія сеніоріи и соединяли ихъ около одного болѣе могущественнаго сеніора. Подъ вліяніемъ вассальныхъ отношеній общественная жизнь, замкнувшаяся въ маленькихъ уголкахъ, расширялась, выходила за предѣлы одной сеніоріи и обнимала уже цѣлую область; вмѣстѣ съ этимъ въ феодализмъ, подъ дѣйствіемъ тѣхъ же отношеній, появляются нѣкоторыя общія, сложныя формы жизни, какъ-то сеніоріальный судъ и парламентское законодательство. Въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи это сближеніе мелкихъ

феодовъ около одной крупной сениоріи ведетъ къ тому, что мелкія владѣнія поглощаются крупными или постепенно теряютъ свою независимость; на мѣстѣ ихъ образуются очень обширныя сениоріи, обнимающія собою цѣлыя области. Такимъ образомъ въ феодализмѣ возникаетъ новый процессъ: процессъ, соединяющій, связующій мелкія владѣнія въ одно цѣлое. Такъ напр. во Франціи между XI и XV вѣками исчезаетъ около тридцати девяти леновъ, и при томъ леновъ значительныхъ, имѣвшихъ значительное имя и исторію. Итакъ *Феодъ* (права госуд. самостоятельности) разъединялъ западно-европейское общество, а ленъ и вассалитетъ соединялъ его и это различіе сказалось во всей исторіи новаго государства въ Европѣ.

А. Спасскій.
